

МИРОСЛАВА МЕЛЕНСКАЯ

Мирослава Меленская

Ничего себе поездочка!

«Литнет»

2025

Меленская М.

Ничего себе поездочка! / М. Меленская — «Литнет», 2025

Он хотел найти новые породы. Она — сделать новые фото для блога. Вместе им придется спасти целый мир. Оля планировала идеальный побег от скучной жизни: купить вид на природу для блогерской сети ХэппиФейс, арендовать брутальный фургон и отправиться в стильное путешествие за лайками. Стас мечтал о другом — забить фургон до потолка образцами пород и исчезнуть с радаров в поисках уникальных геологических аномалий. Их свела вместе нелепая случайность, ну и в качестве ультра-милого бонуса — одна на двоих рыжая помеха с хвостом — кот Рыжик, обладающий талантом вносить хаос в любые планы. Вместо живописных видов и горных кернов троичку ждали другие находки: таинственная метеостанция, древний тоннель под землей и правда о том, что наша планета — это не просто шар с камнями и лесами. Это живой организм, чьи сны и эмоции кто-то решил... отключить. Вскоре станет ясно, что против технологии пришельцев бессильны все земные науки. Но у них есть тайное оружие, которого нет в каталогах снаряжения, — рыжий кот, который ведет себя так, будто все это ему и должно. Что вас ждет:· Ироничный старт: ХэппиФейс-блогерша и суровый геолог в одном фургоне. Поединки амбиций и комичные ситуации гарантированы.· Невероятные приключения: от заброшенной метеостанции — до сердца машины, пожирающей сны целой планеты.· Фэнтези-мир: Гномы, эльфы, грифоны и призрачные трамваи оказываются реальностью.· Главный герой: Кот, чье мурлыканье способно перезагрузить апокалипсис. Все на борт, погнали!

© Меленская М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Не тот попутчик или #КофеМолотокИМойВеликийПлан	6
Глава 2. Война за пространство	8
Глава 3. Первая битва при «Белке»	10
Глава 4. Песок и неожиданные признания	12
Глава 5. Убежище	14
Глава 6. Утренний кофе и каменные цветы	17
Глава 7. Дорога, которую не планировали	19
Глава 8. Скала Поцелуев и немой вопрос	21
Глава 9. Искренность у костра	24
Глава 10. Утро и Ультиматум	27
Глава 11. Первый уступ	29
Глава 12. Объятия скалы и обещанная награда	32
Глава 13. Гравитация — не друг романтики	35
Глава 14. Цена величия и вонючие спа-процедуры	37
Глава 15. Завтрак чемпиона и юный штурман	40
Глава 16. Лесной оракул и развилка судьбы	43
Глава 17. Брод и битва с водной стихией	46
Глава 18. Герои у костра и разговор по душам	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1. Не тот попутчик или #КофеМолотокИМойВеликийПлан

ОЛЯ

Если бы моя жизнь была блоггом, этот кадр стал бы вирусным. Идеально небесного цвета фургон «Фольксваген» на фоне розовеющего неба, я в стильном комплекте для путешествий (бежевый, конечно) и дымящийся стаканчик латте с розой из той самой кофейни, про которую я писала в прошлом посте. Рядом — мой бойфренд Максим, с камерой наперевес, готовый запечатлеть нашу сказку.

Вот только Максима не было.

Вместо него у открытой задней двери фургона стоял Не Он. Высокий, растрепанный, в потертой футболке с каким-то стершимся логотипом и с видом полнейшего безразличия к эстетике происходящего. В его руке вместо камеры красовался... геологический молоток.

Мой внутренний перфекционист издал предсмертный хрип.

— Эм... вы кто? — выдавила я, чувствуя, как трещина проходит по фасаду моего идеального утра.

Парень медленно повернулся. Взгляд его серых глаз был насмешливым и немного сонным.

— Тот, кому тоже обещали фургон без принцесс на бобине, — произнес он хрипловатым голосом. — Стас. А ты, я полагаю, и есть та самая «полная переделка интерьера»?

Я ощутила, как в виске задергалось. Это был не мой бойфренд. Это был кошмар в кедах.

СТАС

Черт возьми, почему в договоре аренды не было пункта «запрет на размещение бордовых подушек с помпонами»? Я пялился на эту абсурдную конструкцию, свисающую с зеркала, и пытался понять, как прицепить к ней свой компас. Рядом на сиденье лежал мой верный молоток — единственное, что не подводило меня в этой жизни.

Снаружи доносилось какое-то щебетание. Выглянул. О, так это и есть «напарница». Выглядела как каталог «Уют в дороге». Вся в бежевом, с идеальным стаканчиком кофе и выражением лица человека, который только что обнаружил на своем чистом полу гусеницу.

— Эм... вы кто? — прозвучал ее голос, настолько чистый и недовольный, что мне сразу захотелось разбудить в ней бунтаря. Хотя бы рассказать анекдот про пыльного геолога.

— Тот, кому тоже обещали фургон без принцесс на бобине, — брякнул я. Честно, я не спал всю ночь, пакуя образцы. — Стас. А ты, я полагаю, и есть та самая «полная переделка интерьера»?

Она побледнела. Интересно, она знает, что в полевых условиях такой цвет лица — верный признак скорого теплового удара?

— Где Максим? — спросила она, игнорируя мой вопрос.

— Не знаю. Парень с фотоаппаратом? — я кивнул в сторону пустой парковки. — Он с утра что-то нервно говорил про «токсичный перфекционизм», сел в такси и укатил. Оставил мне ключи и сказал, что «ее величество» уже в пути.

На ее лице проступила смесь шока, обиды и ярости. Это было куда интереснее, чем ее первоначальная маска идеальности.

— Он... ЧТО? — ее голос дрогнул.

— Кажется, — я невозмутимо отломил кусок от своего батончика с орехами, — твой сказочный роуд-трип только что обрел сюжетный поворот. Добро пожаловать в реальность, принцесса. Здесь может быть пыльно.

Я протянул ей батончик. Она смотрела на него, как на ядовитую змею.

Путешествие начиналось. И, чувствую, оно запомнится надолго. Нам обоим. Ну, погнали!

Глава 2. Война за пространство

ОЛЯ

Тишина в салоне фургона была густой, как арахисовая паста. Тот самый продукт, который Стас сейчас с аппетитом размазывал по крекеру, усевшись на пассажирском сиденье и бесцеремонно разбросав свои вещи по половине пространства.

Мой план, распечатанный на матовой бумаге и помещенный в прозрачный файл, лежал на моих коленях и словно молчал в истерике. Мы проехали уже двадцать километров, а семь из тридцати четырех пунктов на сегодня были безнадежно провалены. Пункт №1: «Совместное фото на фоне восхода». Провален. Пункт №2: «Запустить плейлист „Roadtrip Vibes“». Провален, потому что Стас заявил, что моя музыка напоминает ему «звуковой фон в магазине эко-товаров».

— Итак, — я сжала план так, что бумага хрустнула. — По графику у нас остановка в одиннадцать ноль-ноль в кафе «У Белки». Там потрясающие капкейки с малиной и вид на озеро. Я уже договорилась о съемке.

Стас медленно пережевывал свой крекер, глядя на мелькающие за окном поля.

— Капкейки, — произнес он без интонации, как будто это было название редкого геологического периода.

— Да, — у меня перехватило дыхание от его тона. — И съемка. Это важно для моего блога.

— У меня есть лучшее место, — он потянулся к своей потрепанной карте, испещренной непонятными пометками. — Примерно в том же направлении. Скальное обнажение с отложениями юрского периода. Там можно найти аммониты.

Я посмотрела на его карту, потом на свой безупречный план с отмеченными точками для ХэппиФейс. Это были два разных языка, два разных мира.

— Аммо... что? — не удержалась я.

— Аммониты. Ископаемые моллюски. Гораздо интереснее, чем капкейки, — он отломил еще кусок. — И бесплатно.

Внутри меня что-то взорвалось. Это была не просто разница во вкусах. Это было покушение на святое — на мой контент-план!

— Послушай, Стас, — заговорила я, стараясь сохранить остатки самообладания. — У нас есть маршрут. Согласованный. Проплаченный в некоторых точках. Я не могу просто так отказаться от...

— От плана? — он перебил меня, повернув голову. Его взгляд скользнул по моему файлу. — Плана, который не пережил первого же столкновения с реальностью в лице твоего сбежавшего бойфренда?

От этой фразы мне стало физически больно. Он был прав, черт возьми. И от этого злость только росла.

— Это не просто план! — выпалила я. — Это... структура! Это гарантия, что все будет хорошо!

— В жизни нет гарантий, принцесса. Есть только погода, которая портится, и дороги, которые размывает. Лучше быть к этому готовым.

Мы ехали молча еще минут десять. Навигатор вежливо предлагал вернуться на маршрут. Я упрямо смотрела вперед.

— Ладно, — сдался он наконец с театральным вздохом. — Капкейки так капкейки. Но предупреждаю, у меня аллергия на розовый кварц и разговоры о карме.

Я не стала удостаивать это ответом, просто ткнула пальцем в поворот. Война была объявлена, но первый раунд, похоже, оставался за мной.

СТАС

Она управляла машиной так, как будто везла хрустальную вазу. Плавно, аккуратно, с какой-то смехотворной серьезностью. Я смотрел, как ее пальцы в бежевых перчатках сжимают руль, и мне хотелось рассказать ей, как я однажды вел «УАЗик» по горному серпантину в ливень, ориентируясь по вспышкам молний.

Но я молчал. И жевал свой батончик. Ее план был для меня не просто бумажкой. Он был символом всего, от чего я сбежал в геологию: расписаний, ожиданий, необходимости улыбаться и делать вид, что тебя все устраивает.

Когда она заговорила про капкейки, я чуть не поперхнулся. Капкейки. Мы проезжали мимо обнажений пород, которым миллионы лет, мимо истории самой планеты, а ее волновали кексы с видом на озеро.

Мое предложение про аммониты было не просто капризом. Это была попытка показать ей, что есть вещи поважнее хэппифейсных лайков. Более вечные. Более реальные. Но она смотрела на меня, как на сумасшедшего.

Ее фраза «Это структура!» прозвучала так трагично, что мне почти стало ее жаль. Почти. Потому что следом накатило привычное раздражение.

Эти люди строят себе клетки из планов и ожиданий, а потом удивляются, когда им в ней тесно.

Я сдался. Не потому, что испугался ее обиженного взгляда. А потому, что понял: за один день ее не переделать. Это будет долгая осада. И первый шаг — изучить вражескую территорию. Пусть даже это будет территория кафе «У Белки» с его гарантированно прекрасными видами и пресными капкейками.

Я посмотрел на ее профиль. Она была сосредоточена на дороге, но в уголке ее глаза подрагивал маленький мускул. Она злилась. И что-то подсказывало мне, что злая Оля гораздо интереснее, чем та, что изображала идеальную путешественницу для камеры.

«Ладно, принцесса, — подумал я, глядя в окно на уходящую вдаль проселочную дорогу, которая манила куда больше, чем ее асфальтированный маршрут. — Сначала твои капкейки. Но еще неизвестно, кто кого в итоге перевоспитает».

И от этой мысли на моем лице впервые за день появилось нечто, отдаленно напоминающее улыбку.

Глава 3. Первая битва при «Белке»

ОЛЯ

Кафе «У Белки» оказалось именно таким, каким я его себе представляла: резные деревянные столики, пледы в клетку и потрясающая панорама озера, сверкавшего на солнце, словно рассыпанный блеск. Идеальный кадр. Если бы не одно «но» в виде моего попутчика.

Стас вошел внутрь с видом человека, зашедшего в лабораторию по изучению инопланетных форм жизни. Он скептически окинул взглядом интерьер, фыркнул при виде меню, написанного мелом на грифельной доске, и устроился за столиком у окна, откуда открывался тот самый вид, но он упорно разглядывал потолок.

— Смотри, какая красота! — не удержалась я, указывая на озеро. Настроение мое понемногу улучшалось. План, хоть и с трещиной, но работал.

— Угу, — пробурчал он, не отрывая взгляда от деревянной балки. — Интересная структура древесины. Видишь эти годовичные кольца? Этому дереву было лет сто, когда его срубили, чтобы сделать прилавки для капкейков. Грустно как-то.

Я закусила губу, чтобы не сказать чего-нибудь резкого. Официантка, милая девушка в цветастом фартуке, принесла нам меню.

— А у нас сегодня как раз свежие капкейки с малиной! — улыбнулась она, явно обращаясь ко мне. — И для фото лучший столик — тот, угловой.

— Спасибо, мы как раз... — начала я.

— А кофе у вас какой? — перебил Стас, с интересом глядя на официантку. — Не из этой штуки с сиропами и пенкой? А нормальный, заварной?

Девушка смутилась.

— Э... у нас эспрессо, американо, капучино...

— Эспрессо, — отрубил он. — Двойной. И кусок того пирога с ревенем. — После ткнул пальцем в витрину, минуя идеальные розовые капкейки.

Я заказала капучино и тот самый капкейк. Когда официантка ушла, я прошипела через стол:

— Ты специально? Мы же договорились!

— Я договорился заехать, — парировал он. — Я не давал клятву верности малиновым капкейкам. И, кстати, твой «потрясающий вид» был бы еще потрясающее, если бы не эта безвкусная гирлянда, которую натянули между соснами. Портить природу пластиком — это преступление.

Я посмотрела на гирлянду. Ну да, она была немного китчевой. Но она создавала атмосферу! Этого он не понимал в принципе.

Когда принесли заказ, я принялась выстраивать кадр: капкейк на первом плане, озеро — на втором, мои руки с чашкой... Идеально. Я сделала несколько кадров.

— Интересно, — раздался голос Стаса, — когда тымотришь на озеро только через объектив, ты вообще видишь, какое оно на самом деле? Или только то, как оно вписывается в твою сетку?

Я опустила телефон.

— А ты, когда копаешь свои камни, ты думаешь об их древней истории или просто о том, как бы отколоть кусок побольше?

Его губы дрогнули. Кажется, я попала в цель.

— Я думаю о том, какая история застыла в этом камне, — ответил он неожиданно спокойно. — Миллионы лет. Сдвиги материков, извержения вулканов... Это куда эпичнее, чем фото в ХэппиФейс, которое забудется через день.

— Это не просто фото! — вспыхнула я. — Это память! Эмоции!

— Эмоции от поедания кекса? — он поднял бровь.

В этот момент его телефон издал странный звук — не звонок, а скорее, сигнал тревоги. Он взглянул на экран, и его лицо мгновенно стало серьезным.

— Поехали, — сказал он, отодвигая стул.

— Что? Почему? Я еще не...

— Буря, — коротко бросил он, уже доставая кошелек. — Не та, что с грозой и дождем. Песчаная. Двигается быстрее, чем я думал. Если мы не хотим провести ночь в машине, погребенные песком, нам нужно быть у следующей точки через час.

Он бросил на стол купюру, схватил свой рюкзак и направился к выходу, не оглядываясь.

Я сидела, ошеломленная, с половинкой капкейка во рту. Песчаная буря, реально? Это вообще бывает в этих краях? Я посмотрела в окно. Небо было ясным, солнце сияло. Выглянув в другое окно, я увидела «это». На горизонте, на западе, нависала грязно-желтая стена. Она была пугающе огромной и двигалась прямо на нас.

Мое сердце упало. Пункт №12: «Вечерняя прогулка по озеру». Пункт №13: «Ужин у костра». Все рушилось. Снова.

Схватив свой стаканчик с недопитым капучино, я побежала за ним, проклиная его, песчаные бури и этот день, когда я вообще решила отправиться в это путешествие.

СТАС

Песчаная буря. Великолепно. Именно то, что нужно, чтобы встряхнуть принцессу и ее розовые очки. И ее капкейки.

Я видел, как она строит свой кадр, и меня разбирал смех. Она была как робот, запрограммированный на создание «идеальной» картинки, совершенно не замечая реального мира вокруг. Ее колкость про камни была предсказуемой, но я все же решил бросить ей вызов. Сказать про историю, застывшую в камне. Посмотреть, дрогнет ли что-то за ее безупречным фасадом.

А потом запиликал телефон. Мое погодное приложение, которое я настроил на оповещения о резких изменениях. Желтая иконка бури ползла по карте прямо на нас. Времени на раскачку не было.

Я вышел из кафе, и ветер уже почувствовался — сухой, горячий, пахнущий пылью. Она выбежала следом, с лицом, выражающим чистейшую трагедию.

— Ты уверен? — спросила она, глядя на еще ясное небо над головой.

— Природа не сверяется с твоим планом, Оля, — бросил я, запрыгивая в фургон. — Она просто идет своим чередом. Садись, если не хочешь, чтобы твои легкие наполнились песком.

Она запрыгнула на свое место, хлопнув дверью. Я завел двигатель и выехал на дорогу, оставив «Белку» и ее несъеденные капкейки позади.

— И куда мы теперь? — ее голос прозвучал сдавленно.

— Есть место. Старая метеостанция, километров двадцать отсюда. Должна быть заброшена, но стены еще держатся. Переждем там.

Я рискнул взглянуть на нее. Она смотрела в боковое окно на надвигающуюся желтую стену. В ее глазах был не просто испуг. Было опустошение. Как будто вместе с этим кафе и озером рушилась вся ее хрупкая, выстроенная по линейке вселенная.

И странное дело, но в этот момент мне не захотелось ехидничать. Мне захотелось... показать ей, что настоящий мир, даже пугающий, гораздо интереснее ее суррогатного.

— Не бойся, — сказал я, неожиданно для себя. — Песок — это просто очень мелкий камень. А с камнями я как-никак на ты.

Она повернулась ко мне. Впервые за сегодня в ее взгляде не было ни злости, ни раздражения. Только растерянность и тень любопытства.

Путешествие, похоже, только начиналось.

Глава 4. Песок и неожиданные признания

ОЛЯ

Желтая стена накрыла нас с сокрушительной скоростью. Еще минуту назад мир за окном был ясен и понятен, а теперь его поглотил хаотичный, воющий коричневый мрак. Песок бил в стекла с такой силой, что я инстинктивно вжалась в сиденье, ожидая, что они треснут.

— Ничего, держится, — пробормотал Стас, больше, кажется, для себя, сжимая руль и всматриваясь в непроглядную пелену. Он ехал почти на ощупь, ориентируясь на едва видную белую полосу под колесами.

Страх сковал меня. Не тот приятный страх перед хоррор-фильмом, а настоящий, животный. Мы могли сойти с дороги. Нас могло занести. Мы могли застрять здесь на неопределенное время. Мой телефон беспомощно мигал — «Нет сети». Весь мой идеальный мир, состоящий из фильтров, планов и Wi-Fi, рухнул в одночасье.

— Вот черт, — резко выругался Стас, и фургон с неприятным скрежетом замер. — Кажется, это канава.

Он выключил двигатель. Внезапно наступившая тишина была оглушительной. Только вой ветра и царапающий песок по металлу.

— И что теперь? — мой голос прозвучал чужим, сдавленным шепотом.

— Теперь ждем, — он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, как будто собирался вздремнуть. — Буря редко длится больше пары часов. Потом поедем дальше.

Пару часов. В этой консервной банке. С этим человеком. Пока песок заносит нас по самые двери.

Я обхватила себя руками, пытаюсь согреться, хотя в салоне было душно. Дрожала не от холода, а от беспомощности. Я ненавидела это чувство. Ненавидела эту бурю. Ненавидела его за его спокойствие.

— Не надо так паниковать, — не открывая глаз, сказал он. — Дыши глубже. Представь, что это не песок, а очень мелкий снег.

— Я ненавижу снег, — выдавила я, и к моему ужасу, в голосе задрожали слезы. — Я ненавижу все, что ломает планы. Я ненавижу... эту беспомощность.

Он открыл глаза и посмотрел на меня. Не с насмешкой, а с каким-то странным, изучающим интересом.

— А ты часто чувствуешь себя беспомощной? — спросил он тихо.

Вопрос застал меня врасплох. Я хотела ответить едкой шпилькой, но слова застряли в горле. Вместо этого из меня вырвалось что-то другое, настоящее.

— Постоянно, — прошептала я, глядя на свои руки. — Весь мой блог... это попытка все контролировать. Красивую картинку. Идеальную жизнь. Потому что, если ты все контролируешь, ничего плохого не случится. Но это... это не работает. Все равно все летит в тартарары. Максим сбежал. Ты здесь. А теперь еще и эта дурацкая буря.

Я замолчала, сгорая от стыда. Зачем я ему это говорю? Теперь он точно будет мной помыкать.

Но он просто сидел и смотрел на меня. Потом потянулся к своей бутылке с водой, отпил и протянул ее мне.

— Держи. От обезвоживания голова кружится, и кажется, что все хуже, чем есть.

Я машинально взяла бутылку. Его спокойствие было заразным.

— А ты... ты не боишься? — спросила я, делая глоток.

— Конечно, боюсь, — он пожал плечами, и это признание поразило меня больше любой бравады. — Просто я привык. В поле часто бывает страшно. Холодно. Одиноко. Но именно там понимаешь, что можешь на себя положиться. И это... окрыляет.

Он помолчал, глядя в запесоченное лобовое стекло.

— Твои планы... они как скафандр. Защищают, но и мешают дышать. Иногда нужно рискнуть и снять шлем. Понюхать воздух. Даже если он полон песка.

Я смотрела на него, и впервые не видела перед собой циничного грубияна. Я видела человека, который знал что-то такое, о чем я только догадывалась.

Внезапно ветер начал стихать. Рев сменился свистом, а затем и вовсе затих. Песчаная завеса медленно начала оседать, открывая изуродованный, но все же реальный мир.

— Ну вот, — Стас повернул ключ зажигания. Двигатель завелся с первого раза. — Видишь? Ничего страшного. Мир не кончился, мы не схлопнулись.

Он посмотрел на меня, и в уголке его глаз собрались лучики морщинок. Не улыбка, но ее предвестник.

— Поехали, принцесса. Покажем этому песку, кто здесь главный.

И странное дело — в этот раз его «принцесса» прозвучало почти... тепло.

СТАС

Она сидела, сжавшись в комок, и пыталась не показывать, что дрожит.

Вид у нее был такой, будто ее личный мирок, выстроенный из палочек для селфи и бумажных планов, только что разнесло ураганом. И, черт возьми, мне вдруг стало ее... по-человечески жаль.

Не в смысле «бедняжка», а в смысле — я понял ее. Этот страх потери контроля. Я сам через это прошел, когда впервые оказался один в тайге и понял, что все мои университетские знания не помогут разжечь костер мокрыми спичками.

Ее взрыв откровенности застал врасплох. Я ожидал истерики, обвинений, но не этой тихой исповеди. «Постоянно», — сказала она. И в этом одном слове был целый мир одиночества и попыток казаться сильнее, чем ты есть.

Я дал ей воды. Самый базовый, примитивный жест помощи. И увидел, как что-то в ее взгляде дрогнуло. Страх начал отступать, уступая место усталому принятию.

И когда буря стихла, а она посмотрела на меня не как на врага, а почти как на союзника в этой внезапной войне со стихией, я почувствовал незнакомое тепло где-то в районе груди. Было приятно. И немного тревожно.

«Поехали, принцесса», — сказал я. И это слово вдруг обрело новый смысл. Оно больше не было оскорблением. Оно стало... нашей шуткой. Нашим общим знанием о том, с чего мы начали и где находимся сейчас.

Я тронулся с места, объезжая песчаные наносы. Она не достала телефон, чтобы снимать последствия бури. Она просто смотрела в окно на очищающийся мир. И в этой тишине было больше настоящего, чем во всех ее кадрах с капкейками.

Возможно, это путешествие будет не таким уж невыносимым. Возможно.

Глава 5. Убежище

СТАС

Заброшенная метеостанция оказалась на месте — небольшое бетонное здание с провалившейся кое-где крышей, но стены держались намертво. Я заглушил двигатель, и нас окутала тишина, даже странная после воя бури. Воздух был густым, сладковатым от пыли и полыни.

— И что, мы будем здесь ночевать? — голос Оли прозвучал сдавленно. Она смотрела на покосившуюся дверь, за которой скрывалась тьма.

— Если не хочешь, чтобы при повторном коллапсе фургон занесло по самые зеркала, то да, — я открыл дверь и вышел. Ноги утонули по щиколотку в теплом песке. — Здесь есть генератор, если повезет, конечно, и его не стрельнули какие-нибудь мародеры.

Я толкнул дверь. Она со скрипом поддалась, пропуская нас внутрь. Помещение пахло затхлостью, старым деревом и чем-то еще — временем, что ли. Лучи заходящего солнца, пробиваясь через разбитое окно, освещали запустение: опрокинутые столы, сломанные стулья, стены, испещренные непонятными формулами и графиками, которые кто-то когда-то старательно выводил.

Оля замерла на пороге, озираясь с выражением легкого ужаса.

— Здесь... паутина.

— Пауки — отличные синоптики, — парировал я, пробираясь к дальнему углу, где должен был стоять дизельный генератор. — Если плетут сети — к ясной погоде.

Генератор оказался на месте, древний, покрытый слоем грязи и масла. Я потянул за стартовый трос. Он издал хриплый, неживой звук. Второй раз. Третий. Ничего.

— Великолепно, — пробормотала Оля сзади. — Ночь в музее ужасов без электричества.

Я не стал отвечать, достал из рюкзака мультитул и фонарик. Через пятнадцать минут копошения в механизме, прочистки топливной системы и нецензурной брани, я дернул трос снова. Генератор кашлянул, извергнул клуб черного дыма и... затарахтел. Неуверенно, с переборами, но свет от единственной лампочки под потолком дрогнул и зажегся, отбрасывая на стены причудливые тени.

Оля ахнула. Не от страха, а от удивления.

— Ты починил его.

— Не «починил», — я вытер руки о штаны. — Уговорил. С камнями это не проходит, а с техникой — иногда срабатывает.

Она медленно вошла внутрь, оглядываясь уже с другим выражением — не с отвращением, а с любопытством. Ее взгляд скользнул по графикам на стене.

— Что это?

— Данные, — подошел я ближе. — Температура, давление, направление ветра. Кто-то очень долго и внимательно слушал, о чем говорит небо. — Я провел пальцем по выцветшей кривой. — Вот это, похоже, был сильный шторм. Лет так тридцать назад.

Она смотрела на график, потом на меня.

— И это... интересно?

— Это история, — сказал я просто. — Не высеченная в камне, а нанесенная на бумагу. Та самая, что не входит в твои планы.

Она не ответила, но и не стала спорить. Простояла так еще мгновение, а потом повернулась и пошла к фургону за вещами.

Пока она таскала свои сумки, я обошел здание. Буря отступила, ночь была на удивление ясной. На небе, свободном от городской засветки, проступили миллионы звезд. Такой густой россыпью, что Млечный Путь был виден как туманная река, пересекающая небосвод.

Когда я вернулся внутрь, Оля расстилала на полу свой идеально свернутый спальник. Рядом лежали влажные салфетки, бутылка с антисептиком и сменная одежда, аккуратно сложенная стопочкой.

— Спать правда на полу? — у нее дрогнул подбородок.

— Лучше, чем в кресле фургона, — я развернул свой потертый, выдавший виды спальник с другого конца комнаты. — И пауки тут не кусаются. Проверено.

Она глубоко вздохнула, как бы собираясь с духом, и села в свой спальник, обняв колени.

Тишина снова повисла между нами, но на этот раз она не была напряженной. Она была усталой, принявшей действительность.

— Спасибо, — тихо сказала она, глядя на иногда мигающую лампочку.

— За что? За то, что завез тебя в адскую дыру?

— За то, что починил свет. И... за то, что мы не застряли в той буре.

Я кивнул, доставая из рюкзака паек и деля его пополам.

— Держи. Ужин в звездном отеле «У Развалюхи». Пять звезд, не меньше, если считать по небу.

Она взяла свою половину. И впервые за весь день на ее лице появилось что-то, отдаленно напоминающее улыбку.

ОЛЯ

Я сидела в своем спальнике и смотрела, как Стас ест свой паек.

Он делал это без отвращения, как что-то само собой разумеющееся. Как человек, который знает цену еде и не ждет от жизни ресторанного обслуживания в заброшенной метеостанции.

Мой мир, который несколько часов назад трещал по швам, вдруг обрел новую, причудливую точку опоры. Да, мы были в развалюхе. Да, мне предстояло спать на пыльном полу. Но над нами была крыша. А за стенами — отступившая буря. И этот странный, невыносимый человек починил свет. Своими руками. Без вызова мастера на час.

Когда он сказал про «звездный отель», я не удержалась и улыбнулась. Это была глупая шутка. Но в ней была какая-то обезоруживающая правда.

— Ты часто так ночуешь? — спросила я, отламывая кусочек пайка. Он оказался на удивление вкусным.

— В заброшках? Нет. В палатке — часто. Под открытым небом — тоже. — Он посмотрел на меня. — А ты?

— Я обычно в отелях. С системой «все включено» и халатом.

— Понятно, — он кивнул, без осуждения. — Тоже неплохой вариант.

Мы снова замолчали. Я прислушалась к звукам. Тихое потрескивание генератора за стеной, шорох ночных насекомых, собственное дыхание. Никакой музыки, никаких голосов из телевизора. Просто мир.

— Знаешь, — сказала я неожиданно для себя, — я, кажется, впервые в жизни вижу столько звезд.

Стас поднял голову, потом встал и подошел к разбитому окну.

— Иди сюда.

Я неохотно выбралась из спальника и подошла. Он отошел, давая мне место. Я задрала голову.

И замерла.

Городское небо было блеклой копией того, что открылось мне сейчас. Это был не просто набор ярких точек. Это была бездна. Глубокое, живое, переливающееся сияние. Там были созвездия, которые я узнавала, и миллионы тех, что были безымянными. Млечный Путь висел так близко, что, казалось, можно протянуть руку и коснуться его.

— Красиво, — выдохнула я.

— Это еще ничего, — его голос прозвучал совсем рядом. — В горах, на высоте трех тысяч, кажется, что можно упасть в него, в это небо.

Я стояла и смотрела. И чувствовала, как что-то внутри меня сжимается и одновременно расширяется. Все мои планы, амбиции, страхи — все это вдруг стало таким маленьким перед лицом этой вечности.

— Спасибо, — снова сказала я, на этот раз глядя на звезды.

— Всегда пожалуйста, — он стоял рядом, и в темноте я почти не видела его лица, только слышала голос. — Мир иногда преподносит сюрпризы. Иногда — в виде песчаной бури. Иногда — в виде звездного неба. Главное — быть готовым посмотреть.

Мы простояли так еще несколько минут, пока я не почувствовала озноб. Я вернулась в спальник. Стас погасил свет, и комната погрузилась в темноту, нарушаемую только слабым свечением из окна.

Я лежала и слушала его ровное дыхание с другого конца комнаты. Он уже спал. А я смотрела в потолок и думала, что, возможно, «структура» — это не всегда план на бумаге. Иногда это просто знание, что даже в самой непроглядной буре может найтись тот, кто починит генератор. И покажет тебе звезды.

Глава 6. Утренний кофе и каменные цветы

ОЛЯ

Проснулась я от того, что на лицо мне падала полоска солнечного света, пробившаяся через дыру в крыше. Я лежала секунду, дезориентированная, пытаюсь вспомнить, где я вообще. Потом все вернулось: фургон, буря, метеостанция, звезды... Стас.

Я приподнялась на локте. Его спальник на другом конце комнаты был пуст, аккуратно свернут. На мгновение меня охватила паника — неужели он уехал один? Но тут донесся запах. Дымка. Не костра, а.. сигареты? Нет, что-то другое.

Я выбралась из спальника, натянула кроссовки и вышла наружу. Утро было ясным, прохладным и невероятно чистым. Воздух пах полынью и влажной землей. И тем самым дымком.

Том сидел на заржавевшей бочке неподалеку, спиной ко мне. Перед ним на камне тлел небольшой костерок, а в его руках был... мой дорогой, фирменный кемпинговый набор для кофе. Тот самый, что мне подарили за репост. Он держал его с видом хирурга, изучающего неизвестный инструмент.

— Что ты делаешь? — мой голос прозвучал хрипло от сна.

Он обернулся. На его лице не было ни смущения, ни насмешки.

— Делаю кофе. Твой электрический шейкер для взбивания пенки здесь, ясное дело, не работает. Пришлось импровизировать.

Он поставил турку — нет, это была обычная жестяная кружка — прямо на угли. Через мгновение донесся горьковатый, но невероятно соблазнительный аромат закипающего кофе.

— Откуда у тебя кофе? — удивилась я, подходя ближе.

— Всегда вожу с собой. Растворимый — для экстренных случаев, зерна — для души. — Он помешал содержимое кружки обломком ветки. — Ты как? Выжила, ничего не отвалилось?

В его тоне не было язвительности. Была... своеобразная забота? Нет, скорее просто констатация факта.

— Кажется, да, — я села на соседний камень. — Спина, конечно, не в восторге, но я жива.

Он снял кружку с огня, дал ей немного постоять, а затем протянул мне. Рядом положил крышку от банки, на которой лежали два куска темного хлеба и ломтик сыра.

— Завтрак в постель, мадам, — он все же не удержался и ухмыльнулся.

Я взяла кружку. Она была горячеей, почти обжигающей. Сделала маленький глоток. Кофе оказался крепким, горьким, без сахара и молока. Самый лучший кофе в моей жизни.

— Спасибо, — сказала я, и он кивнул.

Мы сидели и молча пили кофе, глядя на просыпающуюся долину. Песок, принесенный бурей, лежал ровным слоем, искрясь в лучах солнца. Было красиво. Странно и пустынно, но красиво.

— Слушай, — начала я, не глядя на него. — Про вчерашнее... про мой монолог о контроле...

— Забудь, — он отмахнулся. — У всех бывают моменты слабости. Даже у королев ХэппиФейс.

Я хмыкнула.

— А у суровых геологов?

— У суровых геологов они случаются регулярно. Просто мы их заливаем кофе и закармливаем в образцах.

Он допил свой кофе и встал, потянувшись.

— Ладно, принцесса. Собирай свой лакшери лагерь. Сегодня нам нужно нагнать километров пятьдесят, если хочешь успеть к закату в то самое «эпичное место для фото» из твоего плана. Пункт... какой там у тебя? — он притворился, что заглядывает в невидимый список.

— Пункт восемнадцатый, — автоматически ответила я. — «Скала Поцелуев».

— Ну вот, — он бросил кружку в свой рюкзак. — Поедем целовать скалы. Только предупреждаю, геологически это просто базальтовая колонна, разрушенная эрозией. Никакой романтики.

Но он сказал это без привычного сарказма. Скорее, с какой-то теплой иронией. И впервые я подумала, что, возможно, базальтовые колонны тоже могут быть прекрасны. По-своему.

СТАС

Она сидела на камне, сгорбившись над своей кружкой, с влажными на концах от утренней росы волосами и без броского макияжа. Выглядела... моложе. Настоящее. Не такой уж и страшной зверюгой оказалась королева ХэппиФейс, когда с нее смыли весь этот лак.

Мой кофе она пила без возражений, хотя был он, конечно, не чета ее латте с розой. И съела свой кусок хлеба, не скривившись. Прогресс.

Когда она заговорила про вчерашнее, я ее остановил. Незачем ковыряться в этих ранах. Она показала свое слабое место — редкая честь для такого человека. Лучше этого не вспоминать и двигаться дальше.

А потом я ляпнул про ее «эпичное место для фото».

Сам удивился. Я, кажется, запомнил название этого пункта. «Скала Поцелуев». Глупое, конечно, название, придуманное для туристов. Но я представил, как мы подъезжаем туда на закате, и она, как всегда, начинает выстраивать кадр. И почему-то эта картинка не вызвала во мне привычного раздражения.

Пока она собирала свои вещи с невероятной тщательностью, я прошелся вокруг станции. Песок, принесенный бурей, обнажил кое-что интересное. Я нагнулся и поднял камень. Не аммонит, конечно, но все же.

Когда мы уже закидывали вещи в фургон, я протянул ей его.

— На.

Она удивленно посмотрела на меня, потом на камень в моей руке.

— Что это?

— Кремень, — сказал я. — Если его расколоть, по краю будет острый, как бритва. Первобытные люди изготавливали из него орудия. — Я перевернул камень в ее ладони. — А если посмотреть под этим углом... видишь? Отложения, которые образуют узор, похожий на цветок.

Она внимательно посмотрела на камень, поводила по нему пальцем.

— И правда, — прошептала она. — Похоже на хризантему.

— Держи. На память о первой ночевке в развалюхе.

Она сжала камень в ладони, потом медленно убрала его в карман куртки.

— Спасибо, — сказала она просто.

Мы сели в машину. Она достала свой телефон, посмотрела на экран, потом на дорогу. И вместо того, чтобы включить навигатор, просто положила его на торпедо.

— Поехали, — сказала Оля. — К твоей базальтовой колонне.

И я тронулся с места, с глупой улыбкой, которую, к счастью, она не видела. Возможно, это путешествие действительно будет незабываемым. Причем для нас обоих.

Глава 7. Дорога, которую не планировали

ОЛЯ

Дорога после метеостанции была другой. Не той, что вела от кафе «У Белки» — ровной, асфальтированной, предсказуемой. Здесь асфальт быстро закончился, сменившись грунтовкой, которая виляла между холмов, словно река, ищущая путь. По сторонам не было ни ухоженных полей, ни указателей. Только бескрайняя, чуть холмистая степь, поросшая колючками и полынью, и далекие синие вершины на горизонте.

Я сидела, глядя в окно, и в руке у меня все еще был тот самый камень. «Кремень», — сказал он. Я перекатывала его в ладони, чувствуя шероховатость поверхности, следя за причудливым узором. Каменный цветок. Он нашел цветок в камне. Я бы прошла мимо, даже не заметив.

— Здесь нет сети, — констатировала я, глядя на значок на телефоне.

— Есть лучше, — Стас не отрывал взгляда от дороги. — Есть пейзаж. И тишина.

Он был прав. Тишина здесь была иной, не пугающей, как в бурю, а глубокой, наполненной смыслом. Только шум мотора, свист ветра в окно и изредка — крик пролетающей птицы.

— Мы не заблудились? — все же не удержалась я.

— Заблудиться — это когда не знаешь, куда идешь, — парировал он. — А я знаю. Просто дорога решила пойти более интересным путем.

Он свернул с основной грунтовки на едва заметную колею, ведущую к одинокому пригорку, увенчанному группой причудливых, ветром обточенных скал.

— Это не «Скала Поцелуев», — предупредил он, заглушая двигатель. — Но кое-что посмотреть стоит.

Мы вышли. Ветер, теплый и настойчивый, сразу принялся трепать мои волосы. Я последовала за Стасом к скалам. Вблизи они оказались еще более впечатляющими — испещренными трещинами, пещерами и нишами.

— Смотри, — он указал на одну из стен.

Я присмотрелась. На камне были выцарапаны рисунки. Неумелые, но узнаваемые: олени с огромными рогами, фигурки людей с луками, солярные знаки.

— Что это? — прошептала я.

— Петроглифы. Очень старые. Лет так несколько тысяч, — он провел пальцем по контуру оленя. — Кто-то давным-давно сидел здесь, на этом самом месте, и рассказывал свою историю. Не в блоге, а на камне. Чтобы она осталась.

Я смотрела на эти простые, но полные жизни линии. Олени, люди, солнце... Их мир был так же реален, как и мой. Их волновало то же солнце, те же животные. Прошли тысячи лет, а они все еще здесь, все еще рассказывают свою историю любому, кто остановится посмотреть.

Я достала телефон. Не для того, чтобы проверить сеть, а чтобы сфотографировать. Но не для ХэппиФейс. Просто... для себя.

— Не ждешь от меня язвительного комментария? — спросил Стас, стоя рядом.

— Жду, — я опустила телефон. — Но, кажется, он не последует.

Он хмыкнул.

— Не зарекайся. Моя саркастическая жилка еще даст о себе знать. Но не здесь. Здесь... неловко шутить.

Мы постояли еще несколько минут в молчании. Я думала о тех людях. О том, что их «пункт №1» в плане на день, наверное, был «не умереть от голода» или «не стать добычей хищника». И на фоне этого мой сломанный план и сбежавший бойфренд казались такими... мелкими.

— Спасибо, что показал, — сказала я, возвращаясь к фургону.

— Всегда пожалуйста, — он шел рядом. — Иногда нужно свернуть с пути, чтобы найти настоящую дорогу.

Мы тронулись дальше. Я снова смотрела в окно, но теперь видела не просто степь. Я видела историю, видела чью-то жизнь, застывшую на камне. И камень в моем кармане вдруг стал тяжелее. Не физически, а.. значительнее.

СТАС

Она стояла у тех петроглифов, и на ее лице было не привычное выражение человека, ищущего ракурс, а что-то другое. Благоговение? Нет, скорее, понимание. Понимание того, что мир старше и мудрее ее планов и ее блага.

Когда она сказала «спасибо» без тени сарказма или обязанности, я почувствовал странное тепло. Не то чтобы я стремился к ее благодарности. Но было приятно, что она увидела. Поняла. Хотя бы на мгновение.

Мы ехали дальше, и я видел, как она смотрит в окно уже другими глазами. Не как турист, проезжающий мимо декораций, а как человек, пытающийся прочитать ландшафт. Это был прогресс. Ошеломляющий прогресс.

— Так о чем ты там все время говоришь в своем блоге? — спросил я, чтобы разрядить обстановку, которая стала уж слишком философской.

Она вздрогнула, оторвавшись от своих мыслей.

— О.. о путешествиях. О красивых местах. О том, как создать уют в дороге.

— То есть, врешь, — я не удержался.

Она повернулась ко мне, и я ожидал вспышки гнева. Но ее взгляд был скорее уставшим.

— Не вру. Я показываю... идеальную версию. Ту, к которой стоит стремиться.

— А зачем стремиться к идеалу, если он не существует? — я посмотрел на нее. — Вот смотри. — Я указал на проселочную дорогу, ухабистую, пыльную, но ведущую куда-то вдаль, к горам. — Она идеальна? Нет. Но она настоящая. Она ведет к чему-то. В отличие от того гладкого асфальта, который просто ведет к следующей заправке.

Она молчала, глядя на дорогу.

— Людям не нужна настоящая, — тихо сказала она. — Им нужна красивая. Чтобы было куда сбежать от своей... неидеальной жизни.

— А тебе? — спросил я. — Тебе куда сбежать?

Она не ответила. Просто отвернулась к окну. Но ее плечи были напряжены. Я, кажется, снова попал в больное место. Но на этот раз мне не было удовольствия от этого. Было... любопытно. Что скрывается за этой стеной из идеальных кадров и планов? Кто она на самом деле, эта Оля, когда с нее смывают весь этот лак?

Мы подъезжали к «Скале Поцелуев». Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона. Я знал, что сейчас она достанет телефон, начнет выстраивать кадр. И впервые мне не хотелось саркастически комментировать этот процесс. Мне стало интересно, какой она увидит эту скалу теперь. Через призму петроглифов, песчаной бури и каменного цветка в кармане.

Возможно, ее кадр будет другим. Более живым. Или, может быть, она вообще не станет его делать. И тот, и другой вариант казались мне... маленькими победами.

Глава 8. Скала Поцелуев и немой вопрос

ОЛЯ

«Скала Поцелуев» оказалась именно такой, как на фотографиях: величественная базальтовая колонна, вздымавшаяся к небу на краю обрыва, с видом на бескрайнюю долину, залитую золотом заката. Десятки машин уже стояли на смотровой площадке, и парочки в живописных позах фотографировались на ее фоне.

Идеальный кадр. Тот самый, ради которого я и затеяла эту поездку в самом начале.

Но что-то внутри меня молчало. Я сидела в фургоне и смотрела на эту картину, словно через толстое стекло. Петроглифы, те древние, простые линии, вставали перед глазами, затмевая собой это разрекламированное чудо природы.

— Ну что, принцесса? — Стас заглушил двигатель. — Место твоей мечты. Бери телефон, занимай очередь на фото. Говорят, если поцеловаться здесь, любовь будет вечной. — В его голосе снова зазвучал знакомый сарказм, но на этот раз беззлобный, почти ленивый.

Я не двигалась.

— А ты веришь в эту чушь?

Он повернулся ко мне, удивленно подняв бровь.

— Я верю в химические реакции, тектонику плит и эрозию. Эта колонна не для поцелуев. Она — результат вулканической активности и миллионов лет разрушения. Это куда круче любой романтической сказки.

Я открыла дверь и вышла. Воздух был напоен запахом полыни и вечера. Я подошла к краю обрыва, в стороне от толпы. Отсюда вид был еще более захватывающим. И одиноким.

Стас встал рядом, засунув руки в карманы.

— Ну? Где твой боевой пост для съемки?

— Не хочу, — тихо сказала я.

Он промолчал. Я чувствовала его взгляд на себе.

— Знаешь, — начала я, глядя на долину, — я потратила три месяца на планирование этой поездки. Выбирала места, договаривалась о съемках, продумывала контент. Я представляла, как будут выглядеть эти кадры. Какой восторг они вызовут. А теперь... теперь все это кажется таким пустым. Картонными декорациями.

Я обернулась к нему.

— Ты был прав. Все это время ты был прав. Я не видела ничего настоящего. Только красивую обертку.

Он смотрел на меня серьезно, без тени насмешки.

— А сейчас видишь?

— Не знаю, — честно призналась я. — Но я начинаю смотреть. И это благодаря тебе.

Мы стояли молча, пока солнце не коснулось горизонта, окрасив небо в багровые тона. Толпа понемногу редела, парочки разъезжались, увозя с собой свои «идеальные» кадры для сбора лайков.

— Ладно, — вздохнул Стас. — Поехали искать место на ночь. Здесь ночевать нельзя, еще уши отморозим.

Я кивнула и пошла к фургону. Но на полпути остановилась и посмотрела на скалу еще раз. В последних лучах заката она действительно выглядела эпично. Но не из-за глупой легенды. А потому что была древней, могучей и безразличной к человеческим суетным ритуалам. Как и те петроглифы.

Я достала телефон. Не для селфи. Я сфотографировала скалу и долину. Просто так. Без фильтра. Потом перевела камеру на Стаса. Он стоял спиной ко мне, глядя в сторону уходящего солнца, его силуэт четко вырисовывался на фоне пылающего неба.

Я нажала на сенсорную кнопку. Щелчок был почти неслышен.
Он обернулся.

— Что, все же решила запечатлеть мой неприглядный вид для истории?

— На память, — сказала я и убрала телефон.

Он что-то пробормотал себе под нос, но в темноте я не разобрала что. Хотя мне показалось, это было что-то не слишком язвительное.

СТАС

Она не стала фотографировать скалу. Это был самый неожиданный поворот за все дни нашего путешествия. Я стоял и ждал, когда она достанет телефон, начнет выстраивать кадр, просить меня отойти или, наоборот, встать в кадр для масштаба. Но она просто смотрела на долину. И в ее глазах была не жажда идеального фото, а.. задумчивость. Почти грусть.

И когда она сказала: «Ты был прав», во мне что-то перевернулось. Я ждал этого момента? В каком-то извращенном смысле — да. Ждал, чтобы торжествовать. Но торжества не случилось. Вместо него пришло что-то другое. Уважение.

Она ломала свои стереотипы. На моих глазах. И это было чертовски смело.

Я видел, как она сфотографировала меня. Я слышал щелчок. Раньше это вызвало бы во мне волну раздражения. «О, великий геолог в своей естественной среде обитания». Но сейчас... сейчас это вызвало лишь странное смущение. И любопытство. Зачем? Не для блога, это точно.

Пока мы ехали в поисках места для ночевки, в салоне висела непривычная тишина. Не враждебная, не уставшая. Задумчивая.

— Слушай, Оля, — нарушил я молчание, свернув на проселочную дорогу, ведущую к одинокому перелеску. — Насчет твоего блога...

— Не надо, — она прервала меня, глядя в темнеющее окно. — Я знаю, что ты думаешь.

— Я думаю, что, возможно, поторопился с выводами, — сказал я, и сам удивился своим словам.

Она повернулась ко мне, и в полумраке я видел лишь смутный силуэт ее лица.

— Серьезно? А где же твои комментарии про «лакировку реальности»?

— Они никуда не делись, — я почувствовал, что улыбаюсь. — Просто, возможно, иногда людям и правда нужна эта лакировка. Как... обезболивающее. Чтобы пережить день.

Она снова замолчала. Мы доехали до перелеска и остановились на опушке. Я заглушил двигатель. Наступила тишина, нарушаемая только стрекотом цикад.

— Максим сказал, что я невыносима, — вдруг сказала она очень тихо. — Что я превратила нашу жизнь в бесконечный контент-план. Что он устал быть «аксессуаром» для моих фотографий.

Я смотрел на нее, и впервые понял, откуда растут ноги у ее мании контроля. Это был не просто перфекционизм. Это был страх. Страх, что, если она расслабится, все развалится. Как и случилось.

— Этот Максим — идиот, — четко произнес я.

Она фыркнула. Невесело.

— Потому что уехал и оставил тебя со мной? Согласна, идиот.

— Нет, — я повернулся к ней на сиденье. — Потому что не увидел, что стоит за всем этим. Не увидел тебя.

В темноте я чувствовал, как она замерла. Ее дыхание будто остановилось.

— А ты? — ее голос был всего лишь шепотом. — Ты видишь?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый и немой. Видел ли я? Да, видел целеустремленную, нервную, смешную девушку, которая боялась потерять контроль. Я видел, как она пьет мой отвратительный кофе, как рассматривает петроглифы, как отказывается фотографировать

скалу. Я видел, как ее идеальный фасад дает трещины, и сквозь них проглядывает что-то настоящее. Хрупкое и сильное одновременно.

— Я начинаю, — тихо ответил я.

И в темноте фургона, под стрекот цикад, это прозвучало громче любого признания.

Глава 9. Искренность у костра

ОЛЯ

Мы разожгли костер на краю перелеска. Пламя весело потрескивало, отбрасывая танцующие тени на стволы сосен и на наши лица. Стас достал из запасов тушенку и гречку. Готовил он молча, с сосредоточенным видом, и в этой простой мужской работе было что-то удивительно умиротворяющее.

Я сидела на бревне, кутаясь в свой свитер, и смотрела на огонь. Его слова «Я начинаю» все еще звенели у меня в ушах. Они не были пафосными. Не были романтическими. Но они были самыми настоящими словами, которые я слышала за последние годы.

— Держи, — он протянул мне миску с дымящейся гречкой и тушенкой. — Ресторан «У Костра». Шеф-повар — саркастичный геолог, звезд Мишлен пока нет, но и не подавишься.

Я взяла миску. Аромат был до смешного простым и до слез знакомым. Еда из походов детства.

— Спасибо, — сказала я. И после паузы добавила: — За все.

Мы ели молча. Еда оказалась невероятно вкусной. Простой, сытной, настоящей.

— Знаешь, — начала я, отодвинув пустую миску, — а ведь это мое первое путешествие без четкого плана. Вернее, план был, но... — я махнула рукой в сторону фургона, где лежал тот самый, теперь уже безнадежно устаревший, файл.

— И как тебе импровизация? — он подбросил в костер сухую ветку, вспыхнувшую ярким пламенем.

— Страшно, — призналась я. — Но... интересно. Как будто я все это время смотрела на мир через экран телефона, а теперь кто-то заставил меня поднять голову.

Он кивнул, глядя на огонь.

— У меня была похожая история. Только наоборот.

— Расскажешь?

Он помолчал, будто собираясь с мыслями.

— Мои родители — успешные врачи. Они с детства расписали мою жизнь: лицей, мед, ординатура, частная практика. Я пытался. Честно пытался. Но на втором курсе меда словил жуткий невроз. Мир состоял из учебников, формул и ожиданий. И однажды я просто сбежал. Собрал рюкзак и ушел в горы на месяц. Один.

— Один? — я не могла себе этого представить. — И что?

— И ничего. Заблудился. Замерз. Промок. Но впервые за долгие годы я почувствовал, что дышу полной грудью. Что каждый мой шаг — мой собственный. А не шаг по прочерченной кем-то линии. — Он усмехнулся. — Когда я вернулся, обросший и голодный, отец сказал, что я сошел с ума. А я понял, что, наконец, начал им становиться. В хорошем смысле. Настоящей версией себя. Бросил мед, поступил на геологию.

Я смотрела на него, на его сильные, привыкшие к работе руки, на спокойное лицо, освещенное огнем. Я всегда думала, что такие, как он, — бесстрашные одиночки, которым плевать на условности. А оказалось, он просто нашел в себе силы сбежать из своей «идеальной» клетки. Как и я. Только его побег был радикальнее.

— А родители? — тихо спросила я.

— Смирились. Мама до сих пор присылает статьи о пользе высшего образования в сфере медицины, а отец... отец однажды позвонил и спросил, не могу ли я определить по фото, какой камень лучше положить в камин. Прогресс.

Мы оба рассмеялись. Это был легкий, естественный смех. Без напряжения.

— Знаешь, что самое смешное? — сказала я, подтягивая колени к подбородку. — Я завела блог, чтобы сбежать. От скучной работы в офисе, от ожидания, что я выйду замуж, рожу

детей и буду счастлива по чьему-то сценарию. Я думала, что создаю себе свободу. А на самом деле построила новую клетку. Только с розовыми обоями и идеальной сеткой постов.

— Клетки бывают разные, — философски заметил Стас. — Главное — вовремя понять, что ты в ней, и найти дверь. Или хотя бы прорезать в стене окно.

— Ты про что? Про песчаную бурю? — улыбнулась я.

— В том числе, — он улыбнулся в ответ. — Иногда нужен хороший ураган, чтобы сдуть всю шелуху.

Мы замолчали, слушая, как потрескивает костер. Над нами простиралось почти черное, усыпанное звездами небо. То самое, что он показал мне у метеостанции.

— Спасибо, — снова сказала я. Уже не за кофе и не за спасение. А за то, что показал мне, где искать ту самую дверь.

Он посмотрел на меня. В отблесках пламени его глаза казались темными и бездонными.

— Спасибо, что не сбежала от меня в первую же ночь, принцесса. Было бы скучно одному.

И в этот раз его «принцесса» прозвучало как самое нежное прозвище на свете.

СТАС

Она сидела напротив, прижав колени к груди, и ее лицо в свете костра казалось мягким, беззащитным. Она рассказала мне про свой побег. Не такой громкий, как мой, но, возможно, потребовавший не меньше мужества. Бросить налаженную жизнь и пытаться построить свою, пусть и из фальшивого, как мне казалось, кирпича.

И когда она сказала, что построила новую клетку, я понял ее как никогда. Мы были похожи. Оба бежали. Просто в разные стороны. Я — в дикость, она — в идеальный, отполированный до блеска мир. И оба в итоге оказались в ловушке.

Мне вдруг дико захотелось... не знаю. Защитить ее. Не от бурь или плохих дорог, а от нее самой. От ее стремления к недостижимому идеалу. Показать ей, что она уже достаточно хороша. Со всеми ее страхами, планами и этой смешной привычкой раскладывать все по полочкам.

Когда я сказал, что было бы скучно без нее, я не врал. Эти несколько дней с ней были самыми насыщенными за последние годы. Она выдергивала меня из привычной колеи своим перфекционизмом, раздражала, смешила. Она заставляла меня смотреть на привычные вещи под другим углом. Даже на ту дурацкую Скалу Поцелуев.

— Завтра, — сказал я, ломая молчание, — я покажу тебе одно место. Его нет в твоём плане. Его нет ни в одном путеводителе.

— Опасное? — насторожилась она.

— Нет. Просто... особенное. Только для своих.

Она посмотрела на меня с любопытством, и в ее глазах вспыхнула искорка авантюризма, которую я видел лишь мельком.

— Для своих? — переспросила она.

— Для тех, кто прошел песчаную бурю и не сломался, — уточнил я. — Для тех, кто ест гречку с тушенкой и не морщится.

Она улыбнулась. Широко и по-настоящему. Впервые за все время.

— Значит, я своя?

— Пока что да, — я сделал серьезное лицо. — Но это еще не окончательный вердикт. Завтра будет решающий тест.

— И какой? — она подняла бровь.

— Скалолазание для начинающих, — с серьезным лицом выдал я.

Ее глаза округлились от ужаса.

— Ты шутишь?

— Может быть, — я не выдержал и рассмеялся. — А может, и нет. Узнаешь утром.

Она швырнула в меня шишку. Я уклонился. Мы снова стали теми, кто мы есть — спорящими, язвящими друг друга попутчиками. Но что-то между нами изменилось. Исчезла натянутость. Появилось... понимание. Доверие.

И глядя на ее улыбку в свете костра, я поймал себя на мысли, что не хочу, чтобы это путешествие заканчивалось. Ни завтра. Ни послезавтра. Вообще.

Глава 10. Утро и Ультиматум

ОЛЯ

Проснулась я от звука, который никак не вписывался в концепцию «уютного утра» — Стас что-то яростно рубил снаружи. Я выглянула из фургона, все еще в спальнике, и обомлела.

Он, с виду совершенно спокойный, стоял по колено в ледяной воде лесного ручья и.. долбил геологическим молотком по какому-то крупному валуну. Брызги летели во все стороны, а по его лицу стекала струйка пота, смешанная с каплями воды.

— Доброе утро, — сказал он, заметив мое лицо в дверном проеме. — Разминка. Полезно для кровообращения.

— Ты... что ты делаешь? — выдавила я.

— Добываю завтрак, — не отрываясь от работы, ответил он. — Шутка. Просто нашел интересный образец с вкраплениями. Хочу отколоть кусок.

Я смотрела на эту картину: первобытный человек в современных штанах, совершающий насилие над незащищенным камнем. И не могла сдержать улыбки. Это было так абсурдно и так... по-стасовски.

— И много там, в твоей голове, таких «интересных образцов»? — поинтересовалась я, наливая себе воды.

— Ты даже не представляешь, — он наконец отколол нужный ему кусок, с удовлетворением изучил его и выбрался на берег. — Ладно, принцесса. Готовься к испытанию. Сегодня у нас день покорения вершин. В прямом смысле.

Мое настроение мгновенно ухудшилось.

— Ты вчера не шутил про скалолазание?

— Я всегда шучу, — он вытер лицо рукавом. — Но в каждой шутке есть доля шутки. Остальное — чистая правда.

Он подошел ближе, оставив мокрые следы на траве.

— Вот, смотри, — он указал на невысокий, но крутой скалистый выступ в паре сотен метров от нашего лагеря. — Это не скалолазание. Это... скалохождение. Просто поднимемся туда. Вид оттуда, обещаю, того стоит.

Я посмотрела на скалу. Она не казалась мне ни невысокой, ни простой.

— У меня нет формы. Нет снаряжения. Нет, черт возьми, желания!

— Форма — это то, во что ты одета, — парировал он. — Снаряжение — это твое желание выжить. А желание... — он подошел так близко, что я почувствовала запах холодной воды с какими-то примесями и леса от его одежды. — ...Оно появится, когда ты увидишь, что ждет тебя наверху. Это мой ультиматум. Без подъема — никаких секретных мест.

В его глазах плясали чертики. Он получал от этого удовольствие. Садист.

— А если я сломаю шею? — скрестила я руки на груди.

— Процесс восхождения будет тщательно документирован для истории, — он похлопал по карману, где лежал его телефон. — Если что, выложу в твой блог с хештегом #последнее-селфиОли. Наберет кучу лайков.

Я фыркнула, но внутри меня что-то щелкнуло. Вызов. Он бросал мне вызов. И я вдруг с удивлением поняла, что не хочу отступать.

— Ладно, Гагарин, — сказала я, снимая спальник. — Но, если я упаду, я приземлюсь прямо на тебя.

— Мечтать не вредно, — он усмехнулся и направился готовить завтрак. — Поедим и двинем в путь. К вершине, принцесса. К вершине.

СТАС

Она смотрела на ту скалу с таким видом, будто это Эверест, а не небольшой утес. И в ее глазах читался не просто страх, а целая битва: между привычным «ой, это опасно и неэстетично» и новым, едва проклюнувшимся «а смогу ли я?».

И черт возьми, я болел за второе.

Когда я подошел к ней близко, чтобы описать «прелести» восхождения, я видел, как вздрагивают ее ресницы. Она пахла сном и чем-то сладким, каким-то своим шампунем. Приятно. Слишком нетипично для меня.

Моя угроза про «последнее селфи» была, конечно, жестокой. Но сработала. Я видел, как в ее глазах загорелся огонь. Не паники, а азарта. Та самая искорка, которую я видел вчера у костра.

Пока она ковырялась в фургоне, переодеваясь во что-то «более подходящее для смерти», я готовил завтрак и украдкой поглядывал на нее. Она была упрямой. Сложной. Невыносимой. Но, черт побери, живой. Настоящей.

И мысль о том, чтобы провести с ней еще один день — даже день ее возможного нытья о царапинах и страхе высоты — вызвала у меня не раздражение, а предвкушение.

— Эй, геолог! — окликнула она меня, вылезая из фургона в спортивных леггинсах и кроссовках. Выглядела она... хрупкой. И решительной. Опасная комбинация. — Ты обещал, что вид того стоит. Если это окажется просто еще один камень, я лично использую твой молоток не по назначению.

— Обещаю, принцесса, — я протянул ей кружку чая. — Это будет не просто камень. Это будет твой камень.

Она взяла кружку, и наши пальцы ненадолго соприкоснулись. Она быстро отдернула руку, сделав глоток.

— Ну что, — сказала она, вытирая губы. — Покажешь мне, где тут у вас лестница на небеса?

— Лестница сломалась, — я потушил костер. — Придется карабкаться. Не бойся, я тебя подстрахую. В конце концов, ты же моя ценный груз. Без тебя кто будет жаловаться на дороги и отсутствие цивилизации?

Она покачала головой, но я видел, что она старается скрыть улыбку.

— Пошли уже, зануда. И помни о моем обещании. Ты — моя мягкая подстилка.

Вот так, с угрозами и шутками, мы и начали наше восхождение. А я впервые за долгое время почувствовал себя не просто геологом в поле, а.. проводником. Проводником для кого-то, кто только учится видеть мир без фильтров. И, должен признаться, мне это нравилось. Даже если этот «кто-то» грозился прибить меня собственным любимым молотком.

Глава 11. Первый уступ

ОЛЯ

«Просто поднимемся туда», — сказал он. Лжец. Проклятый, бесчувственный лжец. Скала, которая издалека казалась невысоким холмом, вблизи оказалась вертикальной стеной, усеянной острыми выступами и скользкими камнями.

Я стояла у подножия, задрав голову, и чувствовала, как подкашиваются ноги.

— Стас, это самоубийство.

— Это скала, Оля. Она не собирается тебя убивать. Она просто... существует. А твоя задача — существовать чуть выше, чем сейчас.

Он уже нашел первую точку опоры и стоял, ожидая меня, с идиотской ухмылкой на лице.

— Ну же, принцесса. Первый шаг — он самый трудный. Особенно, если он вертикальный.

Я с ненавистью посмотрела на его протянутую руку и с отчаянием — на гладкую стену перед собой. Мой разум кричал: «НЕТ!». Но что-то другое, новое и упрямое, шептало: «А вот он смог».

С глубоким вздохом, в котором уместились все мои обиды на мир, я вцепилась пальцами в выступ над головой. Камень был шершавым и холодным.

— Вот так, — одобрил Стас. — Теперь левую ногу — на тот выступ. Да, тот, что выглядит как спина доисторического ящера.

Я послушалась. Моя нога дрожала. Весь я дрожала.

— Я не для этого создана, — прошипела я, прижимаясь щекой к скале. — Я создана для выбора фильтра и написания умных подписей!

— А я создан для того, чтобы откалывать куски породы, — парировал он. — Но вот же, приходится быть твоим личным альпинистским инструктором. Жизнь — штука непредсказуемая. Двигай правой рукой выше.

Я сделала еще одно движение. И еще. С каждым шагом страх не уходил, но к нему добавлялось странное, пьянящее чувство. Каждый мускул был напряжен до предела. Каждое движение требовало полной концентрации. Не было места мыслям о блоге, о предателе-Максime, о неудачном путешествии. Были только я, камень и его голос, который то подбадривал, то язвил.

— Так, здесь будет посложнее, — предупредил Стас, когда мы были на высоте примерно трех метров. — Нужно перевести вес на левую ногу и дотянуться до той трещины. Не смотри вниз.

Я, конечно же, посмотрела вниз. Это была ошибка. Земля уплыла куда-то далеко, казалась неестественно маленькой. Меня охватила паника.

— Я не могу.

— Можешь. Ты уже преодолела треть пути.

— Я не могу! — голос сорвался на визг. Пальцы немели. — Я сейчас упаду и разобьюсь в лепешку!

Внезапно его рука легла мне на поясницу, твердо и уверенно.

— Не упадешь. Я же тут. — Его голос прозвучал прямо у уха, спокойно и без тени насмешки. — Дыши. Глубоко. Смотри на скалу перед собой. Видишь тот розовый кварц с вкраплениями? Дотянись до него.

Я заставила себя дышать. Вдох. Выдох. Сосредоточилась на камне. Розовая прожилка. Как же она красива... Я потянулась. Пальцы нашли опору.

— Вот видишь, — его рука убралась. — Ты можешь. Ты просто не даешь себе права на ошибку. А на скале ошибка — это часть пути. Главное — не отпускать руки.

Мы молча карабкались еще несколько минут. Потом он скомандовал:

— Так, привал. Площадка перед нами.

Я доползла до небольшого уступа и повалилась на него, как мешок с костями. Сердце колотилось, выпрыгивая из груди. Руки дрожали. Но когда я подняла голову и огляделась...

Мы были еще не на вершине, но мир уже открылся с новой стороны. Лес внизу казался зеленым бархатным одеялом. Наше пастбище с фургоном — крошечным пятнышком. А воздух... он был чистым и свежим, как глоток ледяной воды.

— Ну? — Стас уселся рядом, доставая бутылку с водой. — Уже не так страшно?

— Я тебя ненавижу, — выдохнула я, но беззлобно. — Но... да. Не так страшно.

Он протянул мне бутылку. Я сделала большой глоток.

— Видишь вон ту реку? — он указал куда-то вдаль. — Она проточила это ущелье за миллионы лет. По капельке. А ты боишься сделать несколько шагов вверх.

— Я не река, — хмыкнула я.

— А зря. У рек всегда есть четкая цель. Они не отвлекаются на ерунду.

Мы сидели молча, наслаждаясь передышкой и видом. И я вдруг поймала себя на мысли, что не хочу, чтобы этот момент заканчивался. Даже несмотря на трясущиеся руки и испачканную в пыли и поте одежду.

— Ладно, — вздохнула я, поднимаясь. — Показывай, где тут твой «не просто камень».

И лучше бы он стоил того, чтобы я сломала себе шею.

Стас ухмыльнулся.

— О, поверь, принцесса. Он того стоит. Готовься к тому, что твой ХэппиФейс взвоет от зависти. Если, конечно, мы выживем.

СТАС

Она висела на скале, белая как мел, с таким выражением лица, будто ее приговорили к казни. И я почти почувствовал себя виноватым. Почти.

Но когда она, преодолевая страх, делала очередное движение, в ее глазах зажигалась искра. Искра победы. Над собой. И это было чертовски красиво.

Мой трюк с рукой на пояснице был низким ударом. Но он сработал. Она нуждалась не в словах, а в тактильном подтверждении, что она не одна. Что я ее не отпущу. И я бы не отпустил.

На уступе она сидела, дыша как загнанная лошадь, но в ее взгляде уже не было паники. Был шок, усталость и.. уважение. К себе. К скале. Ко мне? Возможно.

И когда она сказала: «Я тебя ненавижу» тем тоном, который на самом деле означал «спасибо», я понял, что мы достигли новой стадии наших отношений. Стадии условно-вражеского приятия.

Ее фраза про «не просто камень» заставила меня внутренне потирать руки. Она еще не знала, что ждет ее наверху. А я знал. И предвкушал ее реакцию.

— Погнали дальше, — я поднялся, отряхивая штаны. — Самый интересный участок впереди. Там есть одна щель... в общем, готовься обниматься со скалой как никогда тесно.

Она посмотрела на меня с подозрением.

— Ты меня пугаешь.

— Я тебя готовлю, — поправил я. — Разница, как между геологией и алхимией. Одна — наука, другая — бред. Но и то, и другое связано с камнями. Так что в любом случае ты в своей стихии, принцесса.

Она покачала головой, но тень улыбки тронула ее губы.

— Если я застряну в той щели, я буду кричать так громко, что у тебя лопнут барабанные перепонки.

— Обещаю записать на диктофон и сделать рингтоном, — пообещал я, находя следующую точку опоры.

И мы поползли дальше вверх, к вершине, к секрету и к новому витку нашего странного, саркастичного и по-своему прекрасного путешествия.

Глава 12. Объятия скалы и обещанная награда

ОЛЯ

«Щель» оказалась оптимистичным определением. Это была трещина в скале, узкая, темная и, как мне показалось, дышащая сыростью и смертью. Чтобы пролезть, нужно было развернуться боком и буквально втиснуться в нее, двигаясь затем путем мучительного трения о шершавые стены. Проще говоря – настоящий земной ад для клаустрофоба.

— Ты называешь это «интересным участком»? — прошептала я, уже застряв под грудью и чувствуя, как камень давит на ребра. — Это похоже на пытку средневековой инквизиции!

Голос Стаса доносился сверху, с другого конца этого каменного горлышка:

— Инквизиция не ставила перед тобой таких прекрасных видов в конце пути. Держись, принцесса, всего пара метров.

Я из последних сил протолкнулась еще на сантиметр. Одежда зацепилась за выступ, и раздался неприятный звук рвущейся ткани. Великолепно. Теперь я не только напуганная и потная, но еще и порванная.

— Мой свитер! — простонала я.

— Поздравляю, теперь у тебя есть походный вариант со встроенной вентиляцией, — последовал невозмутимый ответ. — Двигайся, я уже вижу свет. Спешу обрадовать, это не тот, который видят перед смертью!

Я недовольно цокнула, сделала последнее усилие, и вдруг каменные объятия ослабли. Я вывалилась из щели на небольшой каменный карниз, почти плашмя, и отдышалась, глядя в небо. Руки и ноги дрожали от напряжения.

— Ну вот, — Стас стоял надо мной, заслонив солнце. На его лице играла довольная ухмылка. — Жива. Я же говорил, что ты проходимая.

Я хотела швырнуть в него камень, но не было сил даже пошевелить рукой.

— Если следующий «интересный участок» будет похож на родовые пути скалы, я развернусь и пойду вниз. Пешком. По воздуху.

— Расслабься, самая сложная часть позади, — он присел на корточки и протянул мне руку. — А теперь встань и приготовься. То, что ты увидишь, стоит порванного свитера. Обещаю.

Его тон был необычно серьезным. Без привычной насмешки. Я с недоверием взяла его руку и позволила себе подняться. Сделала шаг вперед, к краю карниза.

И застыла.

Мы были на вершине. Но это была не просто вершина. Это была гигантская, почти плоская каменная плита, уходящая вдаль. А посреди нее... озеро. Маленькое, идеально круглое, бирюзовое озеро, словно кусочек неба, упавший в каменную чашу. Вода была настолько прозрачной, что сквозь нее виднелось каменистое дно. Никаких следов цивилизации. Ни души. Только небо, скалы и эта невероятная, невозможная гладь воды.

— Это... — у меня перехватило дыхание. — Это волшебно.

— Карстовое озеро, — поправил Стас, стоя рядом. — Образовалось, когда под скалой просел грунт и заполнился водой. Возраст... ну, тебе лучше не знать, а то еще начнешь сравнивать с возрастом создания своего блога.

Но на этот раз его подколка не задела меня. Я не могла оторвать глаз. Я достала телефон и сделала несколько снимков, но тут же поняла — ни одна фотография не передаст этого. Не передаст тишины, нарушаемой лишь ветром. Не передаст ощущения, что ты на краю света. Не передаст цвета этой воды.

— Вот черт, — прошептала я, опуская телефон. — Это... это не для ХэппиФейс. Это... для души.

Стас повернулся ко мне. В его глазах светилось странное удовлетворение.

— Ну что, принцесса? Стоило того, чтобы обниматься со скалой?

Я посмотрела на него — на этого невыносимого, вредного человека, который затащил меня на эту гору, заставил бояться, злиться и.. чувствовать себя живой. По-настоящему живой.

— Да, — тихо сказала я. — Стоило.

Потом, не думая, я сделала шаг и обняла его. Крепко. Ненадолго. Просто потому, что иначе взрыв эмоций внутри меня просто разорвал бы меня на части.

Он замер на мгновение, ошеломленный. Потом его руки мягко легли мне на спину, похлопали пару раз, и он отступил, снова надев маску шутника.

— Осторожно, принцесса, а то я подумаю, что ты прониклась моим обаянием.

— Заткнись, — сказала я, отворачиваясь, чтобы скрыть вспыхнувшие щеки. — И.. спасибо.

Мы молча сидели на краю каменной чаши, свесив ноги над бирюзовой водой, и делились бутербродами.

И я думала, что, возможно, это самое настоящее приключение — не когда все идет по плану, а когда кто-то показывает тебе озеро посреди неба, ради которого стоит разорвать свой модный свитер и перебороть свой страх.

СТАС

Она вылезла из той щели, как новорожденный птенец — мокрая, перепачканная и абсолютно счастливая. Ну, почти счастливая. Пока не вспомнила про свитер.

Но когда она подошла к краю и увидела озеро... это стоило всего ее прошлого и будущего нытья. Ее лицо преобразилось. Исчезла вся напускная холодность, вся усталость. Осталось лишь чистое, детское изумление. Та самая эмоция, которую не купишь и не сфальсифицируешь для блога.

И когда она сказала: «Это для души», я понял — миссия выполнена. Я вытащил ее из скорлупы. Хотя бы на время.

А потом она обняла меня.

Это было неожиданно. Приятно. И чертовски смущающе. Ее волосы пахли пылью, потом и тем самым дурацким сладким шампунем. И это был лучший запах, который я чувствовал за последние годы.

Я быстро отступил, спасаясь за стеной сарказма. Нельзя было давать ей понять, что этот простой жест вогнал меня в ступор. Что где-то глубоко внутри что-то ёкнуло.

Мы сидели у воды, и я украдкой наблюдал за ней. Она смотрела на озеро, и на ее лице играла улыбка. Настоящая, без всякой блогерской наигранности. И в этот момент она была чертовски красивой. Гораздо красивее, чем на всех своих идеальных фотографиях.

— Знаешь, — сказал я, ломая молчание. — Местные называют это озеро «Слезой великана». Говорят, что великан плакал здесь от любви, а его слеза заполнила эту впадину.

Она повернулась ко мне, и в ее глазах вспыхнул интерес.

— Правда?

— Конечно, нет, — я ухмыльнулся. — Это просто карстовый провал. Но твоя романтическая версия, конечно, куда поэтичнее.

Она рассмеялась. Звонко и легко. И этот звук идеально гармонировал с тишиной вокруг.

— Ладно, геолог-зануда, — она швырнула в меня крошку от бутерброда. — Разрушитель легенд. Мне все равно нравится версия про великана.

— Как знаешь, принцесса, — я поднял руки в знак поражения. — Можешь рассказывать ее в своем блоге. Только, чур, ссылку на меня не давать. Репутацию научного работника беречь надо.

Мы просидели там еще с час, болтая о ерунде, кидая камешки в воду и просто молча наслаждаясь моментом. И я ловил себя на мысли, что не хочу, чтобы этот день заканчивался. Что хочу показать ей еще миллион таких мест. И посмотреть, как ее глаза загораются таким же огнем.

Но все хорошее рано или поздно заканчивается. Пора было спускаться. И я уже предвкушал ее комментарии по поводу обратного пути.

— Так, — вздохнула она, поднимаясь. — Теперь предстоит самое страшное — спуск. Ты же пойдешь первым, да? Чтобы, если я упаду, ты меня смягчил.

— Естественно, — я кивнул с ложной важностью. — Я твой верный страховочный трос. Немного ворчливый, но стопроцентно надежный.

Она покачала головой, но улыбка не сходила с ее лица. И мы начали наш обратный путь — уже другими людьми. Более легкими. Более... связанными этим общим секретом, спрятанным высоко в горах.

Глава 13. Гравитация — не друг романтики

ОЛЯ

Если я думала, что подъем был адом, то спуск оказался его филиалом, расположенным прямоком в девятом круге. Гравитация, которую я раньше воспринимала как данность, внезапно стала моим личным заклятым врагом. Она настойчиво тянула меня вниз, к острым камням и неминуемой гибели.

Стас, конечно, шел первым, как и обещал, подстраховывая меня и показывая каждую точку опоры. Но от этого не становилось легче. Каждый шаг вниз давался с таким трудом, будто мои ноги были налиты свинцом, а пальцы отказывались слушаться.

— Так... левую ногу... сюда, — его голос доносился снизу, спокойный и раздражающе уверенный. — Да, на тот выступ, что похож на спящего хомяка.

— У тебя что, у всех камней есть свои зоологические аналоги? — прошипела я, с трудом переставляя ногу. Мышцы бедра горели огнем.

— Так веселее, — парировал он. — И запоминается лучше. Вот видишь — ты же уже никогда не забудешь «хомяка». Дальше. Правую руку — на «спину уставшего диплодока».

Я с размаху вцепилась в указанный выступ. Камень был теплым от солнца.

— А у диплодока всегда такая шершавая кожа?

— Эволюция, милая. Миллионы лет без скраба делают свое дело.

Несмотря на страх и усталость, я фыркнула. Черт возьми, он умел меня рассмешить даже в такой момент.

Мы медленно, сантиметр за сантиметром, сползали вниз. Вид, который еще час назад казался мне захватывающим, теперь вызывал лишь головокружение. Я старалась не смотреть вниз, сосредоточившись на камне перед лицом и на его уверенном голосе.

— Так, здесь будет посложнее, — предупредил он, когда до земли оставалось метров пять. — Нужно развернуться спиной к скале и сползать, как по веревочной лестнице. Я тебя подстрахую.

Сердце ушло в пятки. Развернуться спиной? К этой бездне?!

— Ну уж нет, я не могу.

— Можешь. Я же тут. — Его голос прозвучал прямо подо мной. — Опускайся медленно. Я направлю твои ноги.

Я зажмурилась, послушалась и начала медленно сползать, чувствуя, как его руки уверенно ловят мою лодыжку и ставят стопу на нужный выступ. Его прикосновения были твердыми и надежными. Как якорь в этом море страха.

Наконец, моя нога коснулась твердой, ровной земли. Я чуть не расплакалась от облегчения. Отступила от скалы на шаг, потом на другой и повалилась на траву, раскинув руки и глядя в небо. Все тело гудело, но вместе с усталостью пришло и странное, пьянящее чувство выполненного долга. Я сделала это. Я забралась на эту чертову скалу и спустилась обратно. Живая.

Стас уселся рядом, доставая воду.

— Ну что, покорительница вершин? Как ощущения?

— Я чувствую себя... выжатой, — честно призналась я. — И одновременно... фантастически. Спасибо, что не дал мне сломать шею. Вряд ли бы ты мне здесь организовал достойные похороны.

— Всегда пожалуйста, — он рассмеялся и протянул мне бутылку. — Для этого я и тут. Чтобы ты могла ломать себе все, что угодно, кроме шеи. Это мой принцип.

Я сделала большой глоток и снова повалилась на спину. Солнце приятно грело лицо.

— Знаешь, а ведь это было... круто.

— Круче, чем капкейки с малиной? — в его голосе снова зазвучала знакомая издевка.

— Не смейся, — я шлепнула его по плечу, не открывая глаз. — Но да. В миллиард раз круче.

Мы лежали так еще несколько минут, пока я не почувствовала, что могу пошевелить пальцами ног, не выпуская стон.

— Ладно, — вздохнула я, поднимаясь. — Пора возвращаться к фургону. Мне нужно минут сорок, чтобы просто дойти до него.

— Не сорок, — встал и он. — Всего двадцать. Если, конечно, ты не решила ползти.

Я посмотрела на него с ненавистью, но встала и побрела за ним, чувствуя каждую мышцу. Спуск оказался не менее изматывающим, чем подъем.

По дороге к фургону я вдруг осознала, что порванный свитер, ссадины на руках и смертельная усталость не вызывают во мне привычного ужаса. Наоборот, они были как знаки отличия. Доказательство того, что я смогла.

— Эй, Стас, — сказала я, когда мы уже подходили к лагерю.

— А?

— А на той скале... — я поколебалась. — Ты специально выбрал самый сложный путь?

Он обернулся и посмотрел на меня с той самой хитрой ухмылкой, которая уже стала такой знакомой.

— Конечно, нет, принцесса. Это был самый легкий. Просто ты еще не готова к настоящим трудностям.

И прежде, чем я успела что-то ответить, он зашагал быстрее, оставив меня наедине с мыслью, что этот человек — либо величайший в мире садист, либо..., либо он верил в меня больше, чем я сама. И от этой мысли по спине пробежали мурашки.

СТАС

Она спускалась, скрипя зубами от напряжения, но без паники. И я с гордостью осознал, что был прав — в ней есть сталь. Просто она сама об этом не знала.

Когда она повалилась на траву с видом человека, только что победившего дракона, я еле сдержал улыбку. Вот оно. То самое чувство, ради которого стоит тащить на скалы городских неженков. Момент, когда они понимают, что способны на большее.

Ее «спасибо» прозвучало на удивление искренне. И мой ответ был таким же. Я и праву был рад, что она не свернула себе шею. Мир без ее забавных комментариев и попыток навести быт в дикой природе стал бы скучнее.

А потом она спросила, не самый ли сложный путь я выбрал. Конечно, самый сложный. Для нее. Потому что я видел — она может. Нужно было лишь немного подтолкнуть. И немного подстраховать.

И когда я сказал, что это был самый легкий путь, и ушел вперед, я слышал ее возмущенное фырканье. И снова улыбнулся. Все шло по плану. По моему, конечно, а не по ее. Ее план уже давно пора было выбросить в ту самую щель, в которой она застряла.

Возвращаясь к фургону, я думал о том, как ее глаза сияли у озера. И о том, как она обняла меня. И о том, что, возможно, это путешествие — лучшее, что случилось со мной за последние годы. Даже с учетом всех ее «нет» и «не надо, не хочу-не буду», и порванных гламурных свитеров.

Особенно из-за них.

Глава 14. Цена величия и вонючие спа-процедуры

ОЛЯ

Величие, как выяснилось, имеет свою цену. И выражается она в том, что на следующее утро я проснулась с ощущением, будто меня переехал каток, а потом еще и погладил утюгом. Каждая мышца, о существовании которой я даже не подозревала, громко заявляла о себе пронзительной болью. Я попыталась повернуться на бок и издала звук, средний между стоном умирающего тюленя и скрипом ржавой двери.

— Жива? — раздался голос Стаса извне. Он уже, конечно, был на ногах и, судя по звукам, колот дрова с удвоенной энергией садиста. — Слышал, как ты ворочалась. Похоже, восхождение далось тебе нелегко.

— Убейся, — прохрипела я, натягивая одеяло на голову. — Оставь меня умирать в одиночестве и достоинстве.

Дверь фургона скрипнула, и внутрь просунулась его голова с дурацкой ухмылкой.

— Никакого достоинства в смерти от крепатуры, принцесса. Это не героически. Это просто глупо. Вставай. Нужно размять мышцы.

— Мои мышцы хотят развода с моим телом, — простонала я, но все-таки попыталась сесть. Процесс был медленным и мучительным. — Я не могу даже моргнуть без боли.

— Покажу тебе одно секретное место, — сказал он, исчезая и возвращаясь с кружкой дымящегося чая. — В получасе езды есть горячий источник. Не такой гламурный, как в спа-салонах, зато настоящий. Серая вода, запах тухлых яиц, но... он творит чудеса с больными мышцами.

Я посмотрела на него с надеждой, впервые за утро.

— Ты не шутишь?

— Клянусь своим геологическим молотком, — он приложил руку к сердцу с комичной серьезностью. — Единственный минус — там могут быть нудисты. Но, думаю, твой вид «после скалы» их точно распугает.

Я швырнула в него подушку, но он ловко уклонился.

Дорога до источника прошла в молчании, потому что я то засыпала, то просыпалась от того, что фургон наезжал на кочку, и мое тело пронзала молния боли. Стас временами поглядывал на меня и усмехался.

— Что? — буркнула я, приоткрыв один глаз.

— Ничего. Просто ты напоминаешь мне кота, которого окунули в воду. Обиженного и мокрого.

— Напомни мне еще раз, и я окуну в источник твой молоток.

Источник оказался именно таким, как он описал: небольшое, мутноватое озерцо, пахнущее сероводородом, в окружении скал. И, к счастью, без нудистов. Стас указал мне на деревянную будку для переодевания — старую, покосившуюся, но еще державшуюся.

— Раздевайся и залезай в воду. Минут на двадцать. Я постою тут, пообещаю диким кабанам, что ты невкусная.

Переодевание в купальник было отдельным квестом, достойным восхождения на Эверест. Каждое движение отзывалось огнем в мышцах. Но когда я, наконец, сползла по каменным ступеням в теплую, плотную воду, я почувствовала, как боль начинает отступать. Тепло проникало в каждую клеточку, расслабляя зажатые мускулы. Я закрыла глаза и издала блаженный стон.

— Ну как? — донесся голос Стаса из-за скалы.

— Если бы у меня были силы, я бы поцеловала тебя, — простонала я в ответ, погружаясь глубже.

— Сохрани этот порыв до того момента, когда ты снова сможешь двигать руками, — последовал невозмутимый ответ.

Я лежала в воде и смотрела на небо, чувствуя, как уходит не только физическая боль, но и остаточное напряжение последних дней. Ссора с Максимом, паника из-за сорванного плана, страх перед бурей и скалой... все это растворялось в этом теплом, серном коконе.

Через некоторое время я услышала всплеск. Рядом со мной в воду сполз Стас в одних плавках. Я инстинктивно прикрылась руками, но он лишь фыркнул.

— Расслабься, принцесса. В этом котле с тухлыми яйцами ни у кого не возникает романтических мыслей.

Он погрузился по шею и закрыл глаза. Мы молча сидели в воде, и это молчание было удивительно комфортным. Даже его присутствие, которое обычно заставляло меня напрягаться, сейчас кажется... естественным.

— Спасибо, — снова сказала я, на этот раз глядя на его профиль. — Не только за источник. За все.

— Не за что, — он не открывал глаз. — Просто выполняю свою миссию по перевоспитанию ХэппиФейс-принцессы.

— У тебя неплохо получается, — признала я.

Он открыл один глаз и посмотрел на меня.

— Это я уже проходил. Лесть — это последний оплот манипулятора перед тем, как попросить о чем-то. Так что ты хочешь? Мое молчание о твоих столах этой ночью?

Я рассмеялась, и звук смеха отозвался эхом в скалах.

— Нет. Я хочу... чтобы ты показал мне еще что-нибудь. Такое же настоящее.

Он закрыл глаз снова, но уголок его рта дрогнул.

— Это можно устроить. Но предупреждаю, в моем списке нет ни одного места, одобренного твоим глянцевым гидом.

— Именно это мне и нужно, — сказала я и впервые за долгое время почувствовала, что это чистая правда.

СТАС

Она лежала в воде с блаженным выражением лица, как котенок, которого наконец-то накормили. И ее «спасибо» прозвучало на удивление искренне. Без подвоха. Без скрытого смысла.

Когда я залез к ней в источник, это был риск. Но, черт возьми, мои мышцы тоже ныли после вчерашнего, а вид у нее был такой беспомощный и трогательный, что оставить ее одну в этой луже с тухлыми яйцами казалось преступлением.

И ее фраза «покажи мне еще что-нибудь настоящее» ... Это был не просто интерес. Это было доверие. Она доверяла мне свой мир. Тот самый мир, который она так яростно пыталась контролировать.

Я пообещал себе не злоупотреблять этим доверием. Ну, может, совсем чуть-чуть. Чтобы подразнить.

— Ладно, — сказал я, открывая глаза и вылезая из воды. — Хватит валяться. Еще десять минут, и ты превратишься в чернослив. А мне не нужна спутница, похожая на сухофрукт.

Она что-то пробормотала про «бесчувственного грубияна», но послушно поплыла к берегу. Я отвернулся, давая ей возможность выбраться и переодеться, и поймал себя на том, что снова улыбаюсь. Глупой, широкой улыбкой.

Пока мы ехали обратно к лагерю, она сидела с закрытыми глазами, но на ее лице уже не было гримасы боли. Было спокойствие. Умиротворение.

— Знаешь, — сказала она, не открывая глаз, — а ведь сероводород не такой уж и противный, если привыкнуть.

— Вот и ты начинаешь понимать дзен вонючих источников, — кивнул я. — Следующий урок — медитация под вой шакалов. Очень расслабляет.

Она снова рассмеялась. И я подумал, что, возможно, это самый приятный звук в мире. Даже приятнее, чем треск раскалывающегося аммонита.

Возвращение в лагерь было уже не таким мучительным для нее. Она даже сама собрала хворост для костра, правда, с таким видом, будто разгружала вагоны с углем.

Вечером, сидя у огня, она вдруг сказала:

— Я, наверное, завтра снова не смогу пошевелиться.

— Не сомневаюсь, — я подбросил в костер сук. — Но это будет хорошая, честная боль. Боль победителя.

— Победителя чего? — она подняла бровь.

— Собственного страха, принцесса. Собственного страха.

Она задумалась, глядя на пламя, и снова улыбнулась. На этот раз для себя. И в этой улыбке было столько нового, настоящего, что мне захотелось растянуть это путешествие до бесконечности. Просто чтобы видеть, как она продолжает открывать в себе все новые и новые грани.

Глава 15. Завтрак чемпиона и юный штурман

ОЛЯ

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что боль никуда не ушла. Она просто эволюционировала. Теперь это была глухая, ноющая ломота, напоминающая, что мое тело совершило нечто выдающееся. Я с трудом выбралась из фургона, двигаясь, как робот-пылесос с севшими батарейками.

Стас, разумеется, уже бодрствовал. Он сидел на складном стуле у потухшего костра и с задумчивым видом чистил... картошку. Рядом дымился котелок, подвешенный на треноге.

— Что это? — прохрипела я, плетясь к нему.

— Завтрак победителей, — он бросил очищенную картофелину в котелок. — Драники. По-белорусски. С секретным ингредиентом.

Я с подозрением посмотрела на котелок.

— Секретный ингредиент — это твои носки?

— Хуже, — он зловеще ухмыльнулся. — Оптимизм.

Я простонала и повалилась на плед, который он постелил на землю.

— Мой оптимизм кончился вчера на той скале. Вместе с чувством собственного достоинства.

— Достоинство — это роскошь, которую не возьмешь в поход, — философски заметил он, доставая терку и принимаясь натирать картошку с пугающей энергией. — А вот драники — это реальная валюта. Особенно когда за бортом +15 и ветер.

Я смотрела, как его сильные руки ловко управляют с теркой, и поймала себя на мысли, что это... гипнотизирует. В его движениях была какая-то грубая грация. Эффективность без лишних усилий.

— Откуда ты умеешь готовить драники? — поинтересовалась я.

— Студенческие годы в геологических экспедициях, — он пожал плечами. — Там либо научишься готовить из того, что есть, либо будешь жевать сухой паек и мечтать о смерти. Я выбрал жизнь. И драники.

Через полчаса по нашему мини-лагерю поплыл божественный аромат жареной картошки. Стас снял с огня сковороду и выложил на тарелку румяные, хрустящие лепешки.

— Прошу любить и жаловать, — он с церемонным видом протянул мне тарелку. — Драники с луком и.. оптимизмом.

Я осторожно отломил кусочек. Он был невероятно вкусным. Хрустящим снаружи, нежным внутри. Я закрыла глаза от наслаждения.

— Боже, это гениально, — простонала я с набитым ртом.

— Видишь? — он сел рядом со своей тарелкой. — Иногда самые простые вещи приносят самое большое удовольствие. Научиться ценить их — это и есть главный навык выживания.

После завтрака, который действительно вернул мне часть жизненных сил, Стас объявил, что пора двигаться дальше.

— Куда? — спросила я, с некоторой тревогой вспоминая вчерашние «приключения».

— Есть одно место... — он загадочно улыбнулся. — Но, чтобы до него добраться, нужно кое-что сделать.

Он достал свою потрепанную карту и разложил ее на капоте.

— Наш путь лежит через старую лесную дорогу. Ее нет на обычных картах. И навигатор ее не видит. Так что... — он посмотрел на меня. — Сегодня твоя очередь быть штурманом.

Меня будто обдали холодной водой.

— Я? Но я.. я не умею!

— Никто не рождается с этим умением, — парировал он. — Это проще, чем кажется. Смотри.

Он начал объяснять. Как ориентироваться по солнцу. Как сверять карту с местностью. Как находить ориентиры — приметное дерево, скалу необычной формы, изгиб реки. Его объяснения были четкими, лишенными привычного сарказма. Он был... хорошим учителем.

И вот я сидела на пассажирском сиденье, с картой на коленях, чувствуя себя невероятно важной и одновременно смертельно напуганной.

— Так... — я смотрела то на карту, то в окно. — Вроде бы... нам нужно держаться левее этой возвышенности. Потом должен быть мост через ручей.

— Есть, штурман, — Стас послушно повернул руль.

Мы ехали медленно, я постоянно сверялась с картой. Несколько раз сомневалась, и мы останавливались, чтобы свериться. Стас не торопил меня и не подсказывал. Он просто ждал.

И вот, после очередного поворота, перед нами открылся тот самый мост. Старый, деревянный, но целый.

— Ура! — выдохнула я с облегчением. — Мы на правильном пути!

— Естественно, — Стас ухмыльнулся. — Я бы не доверил карту полному профану. Ну, почти полному.

Я сияла. Это чувство было сравнимо разве что с восхождением на скалу.

Я сделала это! Я, Оля, которая не могла прожить без навигатора, провела нас по незнакомой дороге!

— Спасибо, — сказала я ему.

— За что? Это ты справилась.

— За то, что доверил.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то теплое.

— Всегда пожалуйста, принцесса. Но не расслабляйся. Впереди развилка. И выбор за тобой.

Я с новым энтузиазмом погрузилась в изучение карты. И поймала себя на мысли, что этот день, несмотря на ломоту в теле, обещает быть не менее интересным, чем предыдущий.

СТАС

Она сидела с картой, впившись в нее взглядом, с таким сосредоточенным выражением, будто от этого зависела судьба мира. И когда она правильно определила наш путь, и мы выехали на тот мост... ее лицо озарила такая яркая, безудержная радость, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

В этот момент она была не блогершей, не избалованной горожанкой, а.. первооткрывателем. Ребенком, который только что сам прочел свою первую карту.

Доверить ей навигацию был риск. Но риск оправданный. Она умна. Просто ее ум был заточен под другие задачи. А мне... мне нравилось перезатачивать его. Показывать ей новые возможности.

Ее «спасибо» за доверие тронуло меня больше, чем я готов был признать. Потому что это было не просто вежливое слово. Это было признание. Признание того, что я вижу в ней не беспомощную попутчицу, а равного партнера. Ну, почти равного.

Когда она снова погрузилась в карту, я смотрел на нее украдкой и думал, как сильно она изменилась за эти несколько дней. Исчезла та напряженная, вылизанная до блеска версия себя. Появилась... настоящая. Со всеми ее страхами, сомнениями, но и с упрямством, и с этой удивительной способностью радоваться простым вещам. Вроде драников или правильно найденной дороги.

— Так, штурман, — сказал я, прерывая ее размышления. — Кажется, мы приближаемся к той самой развилке. Готовься принимать судьбоносное решение. Левая дорога, если верить карте, ведет к нашему пункту назначения. Правая... в никуда. Выбор за тобой.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах вспыхнул азарт.

— Поедем налево, — уверенно сказала она. — Там, по описанию, должен быть спуск к реке, а нам нужно ее пересечь.

— Как скажешь, — я кивнул, поворачивая руль. — Но предупреждаю, если мы окажемся на краю обрыва, виновата будешь ты. И твоя карта.

— Не окажемся, — она с вызовом посмотрела на меня. — Я чувствую.

И черт возьми, я ей поверил. Потому что в ее голосе была та самая уверенность, которая рождается не из слепого следования плану, а из понимания пути. И это, возможно, было самым большим ее достижением за все время нашего путешествия.

Глава 16. Лесной оракул и развилка судьбы

ОЛЯ

Дорога налево оказалась еще более разбитой, чем та, по которой мы ехали до этого. Фургон подпрыгивал на ухабах, заставляя меня вжиматься в сиденье и стискивать зубы, чтобы не прикусить язык. Но внутри меня горел азарт. Мой выбор. Мой путь.

— Ну что, штурман, — Стас ловко объехал особенно глубокую колею. — Ты все еще «чувствуешь», что мы на верном пути? Или уже готова признать свое поражение и мое интеллектуальное превосходство?

— Заткнись и води машину, — буркнула я, не отрывая взгляда от карты. — По всем признакам, река должна быть вот за этим поворотом.

Мы завернули за поворот. Реки не было. Вместо нее перед нами расстилалась заросшая поляна, посреди которой стоял... дом. Вернее, то, что от него осталось: покосившаяся избушка с провалившейся крышей и единственным целым окном, в котором сияла банка из-под варенья, заменявшая стекло.

— Ну вот, — с торжеством в голосе произнес Стас, заглушая двигатель. — Поздравляю. Мы нашли реку. Она, видимо, высохла и превратилась в это архитектурное изыскание.

Я сгорала от стыда. Мой первый навигационный опыт закончился провалом.

— Ладно, ты прав, а я нет, — сдалась я, отшвырнув карту на торпедо. — Поворачиваем назад.

— Стоп, стоп, не так быстро, — Стас открыл дверь и вышел. — Раз уж мы здесь, нужно провести разведку. Мало ли, может, в этой развалюхе живет лесной оракул, который предскажет нам будущее за пару драников.

— Ты с ума сошел, — простонала я, но все же вылезла вслед за ним. Воздух пах влажной землей, хвоей и заброшенностью.

Мы подошли к избушке. Дверь висела на одной петле. Стас осторожно отодвинул ее и заглянул внутрь.

— Есть кто? — крикнул он. В ответ послышалось лишь шуршание. Возможно, мышей. Или чего-то похуже.

Внутри было пусто, грязно и пахло плесенью. На полу валялись обрывки газет тридцатилетней давности, а в углу стояла железная кровать с проржавевшей панцирной сеткой.

— Оракул, видимо, в отъезде, — констатировал Стас, поддевая носком ботинка какую-то жестянку. — Жаль. А я уже приготовил вопросы.

Я стояла на пороге, и меня вдруг охватило странное чувство. Не страх, а.. грусть. Кто-то же здесь жил. Строил планы, варил варенье, смотрел в то самое окно. А теперь от всего этого остались лишь руины.

— Пошли, — сказала я тихо. — Здесь грустно.

Стас посмотрел на меня, и его насмешливое выражение лица смягчилось.

— Согласен. Место с душком. И не только плесневым.

Мы уже собрались уходить, как вдруг снаружи раздался громкий треск ломающейся ветки. Мы замерли, переглянувшись. Потом еще один. Кто-то или что-то крупное приближалось к поляне.

— Медведь? — прошептала я, хватая Стаса за рукав.

— В этих краях маловероятно, — так же тихо ответил он, но его поза стала собранной, готовой к действию. — Но... бывает всякое.

Из-за деревьев на поляну вышел... человек. Высокий, сутулый старик в заношенной телогрейке и с ружьем за спиной. Он увидел нас, замедлил шаг и уставился на нас не то с удивлением, не то с неодобрением.

— А вы чего тут? — его голос был хриплым, как скрип старого дерева.

— Мы... путешественники, — вышел вперед Стас. — Заблудились немного. Искали реку. Старик внимательно осмотрел нас, его взгляд задержался на нашем фургоне.

— Река, — фыркнул он. — Она в километре отсюда. Проглотила дорогу лет двадцать назад, никто тут теперь не ездит. А вы на чем пролезли? На крыльях?

— На удаче и глупости, — честно ответил Стас.

Старик хмыкнул, и в его глазах мелькнула искорка интереса.

— Молодые, глупые... понятно. А есть у вас что, молодые-глупые?

Стас быстро сориентировался и достал из фургона пачку галет и банку тушенки.

— Есть. Угощайтесь.

Старик кивнул, взял угощение и прислонил ружье к стене избушки.

— Звать Федорыч. Я тут сторож.

— Сторож? — удивилась я. — А что сторожить? Тут же ничего нет.

Федорыч посмотрел на меня, и мне показалось, что он улыбнулся. Сложно было разглядеть под седыми усами.

— А и не должно быть. Вот и сторожу, чтобы не было. — Он развернул пачку, достал галету и отломил кусок. — Вы куда путь держите?

Стас назвал приблизительный район.

— А, — Федорыч кивнул. — Так вам не сюда надо было. Вам на той развилке направо. Левая дорога — к старому карьере ведет. Заброшенному. Там и река-то теперь только весной бывает.

Я почувствовала, как краснею. Опять я все испортила.

— Извините, — сказала я. — Это я неправильно дорогу выбрала.

Старик посмотрел на меня внимательнее.

— Девушка дорогу выбирала? — он снова хмыкнул. — Ну, тогда понятно. Женская логика. Она хоть и не по карте, зато... с приключениями.

Стас фыркнул.

— Вы точно сторож, а не философ?

— А кто его разберет, — загадочно ответил Федорыч, доедая галету. — Ладно, спасибо за угощение. А вам совет — пока не стемнело, поворачивайте, и на той развилке — направо. Там дорога получше будет. И к реке настоящей выведет.

Мы поблагодарили старика и пошли к фургону. Когда я обернулась, чтобы попрощаться, его уже не было. Словно растворился в лесном воздухе.

— Ну что, штурман, — Стас завел двигатель. — Каковы дальнейшие указания? Слушаемся лесного оракула?

— Слушаемся, — вздохнула я. — Поворачиваем направо. И.. извини. Я нас завела в тупик.

Стас посмотрел на меня, и в его глазах не было ни капли злорадства.

— Оля, это было не тупиком. Это было приключением. Мы видели заброшенный дом. Встретили лесного философа. Получили ценный совет. Разве это не круче, чем просто доехать по навигатору до точки?

Я задумалась. Да. Это было круче. Гораздо круче.

— Да, — улыбнулась я. — Ты прав.

— Всегда прав, — он с важным видом тронулся с места. — Запомни это раз и навсегда. А теперь снова за карту, штурман. Нас ждет настоящая река. И, надеюсь, никаких сторожей вселенной.

СТАС

Она извинялась за то, что «завела в тупик». А я в этот момент думал, что это был лучший «тупик» в моей жизни. Потому что видел, как она грустила о чужой разрушенной жизни. Потому что она не испугалась старика с ружьем, а заговорила с ним. И потому, что в ее глазах, когда она поняла, что ошиблась, был не страх перед моей реакцией, а досада и.. ответственность.

Эта «ошибка» показала мне ее больше, чем все предыдущие дни.

А этот Федорыч... Настоящий ли он сторож или просто отшельник — неважно. Его фраза про «женскую логику» с приключениями была гениальной. Потому что это была чистая правда. С ней скучно не бывает. Непредсказуемо, да. Изматывающе, конечно. Но не скучно.

И когда она снова взяла в руки карту, после всего этого, с новым упрямством в глазах, я понял — она не сдалась. Она научилась. И это дорогого стоит.

— Так, — сказала Оля, водя пальцем по карте. — Развилка... поворот направо... отсюда должно быть около пяти километров до реки. И, кажется, я даже вижу брод.

— Отлично, — я ускорился. — Тогда поехали. Навстречу новой реке и новым приключениям. Только, пожалуйста, пусть следующим приключением будет не еще один сторож вселенной, а что-нибудь теплое и с едой. Я уже проголодался.

Она рассмеялась, и этот звук снова заполнил салон, сделав его уютным, несмотря на тряску и пыль. И я подумал, что, возможно, заблудиться с ней — это не наказание, а награда. Самая неожиданная и самая лучшая награда.

Глава 17. Брод и битва с водной стихией

ОЛЯ

Дорога, на которую указал Федорыч, и правда оказалась на удивление сносной. Мы ехали в приятном молчании, изредка прерываемом моими комментариями по поводу ориентиров. Я снова чувствовала себя у руля, пусть и метафорически. Карта на моих коленях была не просто бумагой, а ключом к этому миру, и я по крупницам училась этот ключ использовать.

— Кажется, вон там и река, — указала я на просвет между деревьями, где поблескивала вода.

— Отличная работа, штурман, — Стас снизил скорость. — Теперь главное — найти тот самый брод.

Мы подъехали к берегу. Река была неширокой, но быстрой, с каменистым дном, которое угадывалось под темной водой. В нескольких десятках метров ниже по течению река резко поворачивала, и слышался негромкий, но внушительный грохот — должно быть, небольшой водопад или пороги.

— Вот он, красавец, — Стас вышел из машины и стал изучать течение, засунув руки в карманы. — Вроде бы, мелко. Но дно каменистое, можно застрять.

— А нельзя просто проехать по мосту? — наивно поинтересовалась я.

— Какой мост? — он удивленно поднял брови. — Ты что, на карте мост видела? Здесь либо вброд, либо двадцать километров в объезд. Выбирай.

Я посмотрела на бурлящую воду и слотнула. Выбора, конечно, не было.

— Ладно. Ты же говорил, что этот фургон почти вездеход.

— Почти — ключевое слово, — он хлопнул по капоту. — Ну что, принцесса, готовься к мойке колес повышенной сложности. Садись и держись крепче.

Мы вернулись в салон. Стас переключил полный привод, сделал глубокий вдох и медленно направил фургон в воду. Первые метры прошли относительно спокойно. Вода поднималась чуть выше колес, с глухим шумом рассекаясь бампером.

— Видишь? Как по асфальту, — он обернулся ко мне, но я заметила, как его пальцы крепче сжали руль.

В этот же момент фургон накренился и с громким скрежетом дна о камни замер. Двигатель взревел, колеса буксовали, разбрызгивая грязную воду, но мы не двигались с места. Мы прочно сели на каменную гряду.

— Вот черт! — Стас выругался сквозь зубы и выключил зажигание. В салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом реки и жалобным воем ветра. — Кажется, мы слегка застряли.

— Слегка? — мой голос дрогнул. — Стас, мы посреди реки! Вода прибывает!

Я не соврала. Из-за поворота, где были пороги, вода, с дополнительным препятствием в виде нашего фургона, начинала подниматься, уже подбираясь к порогам дверей.

— Спокойно, — его голос был резким, но собранным. — Это не прибывает, это просто течение. Но вытащить нас отсюда... задача. Придется либо разгружать машину, либо подкладывать под колеса камни.

Он открыл дверь. Вода хлынула внутрь, заливая пол. Я вскрикнула, поджав ноги.

— Оставайся внутри! — скомандовал он и, сняв ботинки и носки, прыгнул в ледяную воду. Ей было ему по колено.

Я сидела, как парализованная, и смотрела, как он, кряхтя, начинает таскать с берега крупные плоские камни и подкладывать их под задние колеса. Его лицо было сосредоточенным, мышцы на руках напряглись. Он был... эффективным. И в этой критической ситуации его спокойствие действовало на меня лучше любого успокоительного.

Но одних его усилий было мало. Камни были тяжелыми, а течение пыталось сбить его с ног.

— Оля! — крикнул он, перекрикивая шум воды. — Вылезай и подопри чем-то дверь, чтобы вся вода не натекла! И.. если сможешь, подбирай поменьше камни, я буду брать их у тебя!

Меня будто обдали кипятком. Вылезти? В эту ледяную воду? Но смотреть, как он один борется со стихией, было еще страшнее.

Сжав зубы, я скинула кроссовки и носки и, глубоко вдохнув, шагнула в воду. Холод оказался шокирующим, почти физически болезненным. Я ахнула, схватившись за дверь.

— Держись! — крикнул Стас, и в его голосе я услышала одобрение.

Я плотно закрыла дверь и начала сгребать подходящие камни с мелководья и подносить ему. Руки сразу задеревенели от холода, ноги сводило судорогой, но я продолжала. Камень за камнем. Мы работали в унисон, молча, как одна команда.

Он брал у меня из рук тяжелые булыжники, наши пальцы на мгновение соприкасались, ледяные и шершавые.

Наконец, он дал отмашку.

— Ладно, попробуем! Залезай!

Я вскарабкалась обратно в салон, вся мокрая и дрожащая. Стас сел за руль, завел двигатель.

— Держись крепче! — предупредил он и плавно нажал на газ.

Раздался ужасающий скрежет металла о камень. Фургон дернулся, качнулся... и с мощным рывком съехал с каменной гряды! Мы были свободны!

Стас не стал останавливаться и медленно, но верно повел нас на противоположный берег. Когда колеса в конце концов выбрались на сушу, мы оба выдохнули одновременно.

Он заглушил двигатель и повернулся ко мне. Мы сидели в промокшем насквозь салоне, по нашим лицам струилась грязная вода, мы дрожали от холода и адреналина.

И вдруг я начала смеяться. Сначала тихо, потом все громче, почти истерически. Это был смех облегчения, победы и абсурда ситуации.

Стас смотрел на меня, и постепенно его напряженное лицо тоже расплылось в широкой ухмылке.

— Что смешного? — спросил он, хотя сам смеялся.

— Мы... мы похожи на выдр, которых поймали в стиральную машину вперемешку с чернотомом! — выдавила я сквозь смех.

Он рассмеялся еще громче.

— Зато каких выдр! Самых упрямых и самых... мокрых. — Он потянулся и снял с моих волос мокрый листок. — Ну что, принцесса? Как тебе твоё первое форсирование водной преграды?

— Я предпочитаю капкейки, — сказала я, все еще смеясь и вытирая слезы, смешанные с речной водой. — Но... это было незабываемо.

— Вот и отлично, — он завел двигатель. — А теперь нам срочно нужно найти сухое место и разжечь костер. Иначе наше следующее приключение будет называться «двойная пневмония».

Я кивнула, все еще дрожа, но с теплым комком счастья внутри. Мы снова справились. Вместе.

СТАС

Когда фургон сел на мель, первой моей мыслью было: «Ну вот, напоролся». Второй: «Как бы ее не напугать». Она сидела с огромными глазами, и я видел, как по ее лицу ползет паника.

Но когда я позвал ее на помощь... черт возьми, она вылезла. Без единого слова возражения. В эту ледяную воду. И стала таскать мне камни, вся белая от холода, с трясущимися руками, но с таким упрямым взглядом, что у меня сжалось сердце.

В тот момент, когда наши ледяные пальцы соприкасались, передавая тяжелый, мокрый камень, я понял, что ни за что не хочу быть в такой переделке с кем-то другим. Только с ней. Потому что она не сломалась. Она стала моим партнером.

А ее смех после того, как мы выбрались..., он был лучше любого «спасибо». Это был смех соучастника. Человека, который прошел через огонь и воду и победил.

И сейчас, ведя промокший фургон по лесной дороге в поисках места для костра, я смотрел на нее — мокрую, продрогшую, с грязными разводами на лице — и думал, что она никогда не была красивее. Потому что эта красота была выстрадана, закалена в бою и была на сто процентов настоящей.

— Эй, — сказал я, прерывая молчание. — Ты сегодня была крутая. Настоящий полевой геолог. Правда, немного слезливая, но это исправимо.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах блеснули слезинки, но на этот раз — от счастья.

— Заткнись, — сказала она беззлобно. — И вези быстрее. Я замерзла, как тот аммонит в твоей коллекции.

— Есть, — я ускорился. — Скоро будем на месте. Обещаю тебе самый большой костер на свете. И чай. Горячий, крепкий, с сахаром. Как у настоящих героев.

Она улыбнулась, прижалась к сиденью и закрыла глаза. И я понял, что готов на любые броды, песчаные бури и скалы, лишь бы видеть эту улыбку. Эта мысль была одновременно пугающей и самой прекрасной за все время нашего путешествия.

Глава 18. Герои у костра и разговор по душам

ОЛЯ

Стас нашел идеальную поляну — защищенную от ветра высокими соснами, с мягким ковром из прошлогодней хвои. Пока я сидела в салоне, завернувшись в единственное сухое одеяло и стуча зубами, он с нечеловеческой скоростью развел костер. Не просто костер, а целый погребальный костер для какого-нибудь викингского вождя. Пламя взмыло вверх, осветив поляну и отбрасывая длинные, пляшущие тени.

— Выходи греться! — скомандовал он, подходя к фургону. — Пока не превратилась в гламурную сосульку.

Я вылезла, кутаясь в одеяло, и подошла к огню. Жар был почти болезненным, но невероятно приятным. Я протянула к огню онемевшие руки, чувствуя, как тепло медленно возвращается в тело.

Стас тем временем натянул между двумя деревьями тент и развесил под ним нашу мокрую одежду. Зрелище было комичное: его походные штаны и мои некогда бежевые леггинсы висели рядом, как трофеи после битвы.

— Лагерь «Мокрый нос» готов к приему пострадавших, — объявил он, доставая походный чайник и подвешивая его над огнем. — Сейчас будет согревающее.

Он насыпал в кипяток заварку, бросил горсть сосновых иголок и щепотку чего-то, что он назвал «полевой душицей». Аромат, поднявшийся над костром, был густым, смолистым и по-настоящему целебным.

— Держи, — он протянул мне металлическую кружку с дымящимся чаем. — Осторожно, горячо. Пей медленно.

Я сделала маленький глоток. Напиток был горьковатым, терпким, но с неожиданным цветочным послевкусием. Он обжигал губы и согревал изнутри, распространяя тепло по всему телу.

— Боже, это прекрасно, — прошептала я, прижимая кружку к груди.

— Просто чай, — пожал плечами Стас, присаживаясь рядом на бревно. — Но в таких условиях он кажется нектаром избранных этого мира.

Мы сидели молча, слушая, как потрескивают поленья, и наблюдая, как пар поднимается от нашей мокрой одежды. Адреналин постепенно уходил, оставляя после себя приятную усталость и чувство глубокого удовлетворения.

— Спасибо, — снова сказала я. Уже в который раз. Но на этот раз это значило больше. — Что не дал мне там... запаниковать. И что позвал помочь.

Он посмотрел на меня поверх края своей кружки. В отблесках пламени его глаза казались темными и серьезными.

— Ты справилась бы и без меня. Просто поняла бы это позже.

— Врешь, — улыбнулась я. — Я бы до сих пор сидела в той луже и редела.

— Может быть, — он усмехнулся. — Но ты не сидишь. Ты здесь. Пьешь мой отвратительный чай и улыбаешься. И это главное.

Мы снова замолчали. Было что-то волшебное в этой тишине. Она не была неловкой. Она была... наполненной. Общими воспоминаниями. Общей победой.

— Знаешь, — начала я, глядя на огонь. — Раньше... до этой поездки... я думала, что сила — это когда у тебя все под контролем. Идеальный план. Идеальная жизнь. Идеальные фотографии.

— А теперь? — тихо спросил он.

— А теперь я думаю, что сила — это когда твой план летит к чертям, ты оказываешься по уши в ледяной воде, но... ты не одна. И вместе вы можете даже реку переехать. Ну, почти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.